

INSPIRIA

ЭММА ДОНОХЬЮ

Глубокая,
душераздирающая
и полная откровений
панорама жизни,
смерти и любви во
время пандемии. Это
невероятный роман.

Эмили Сент-Джон
Мандел

ПРИТЯЖЕНИЕ
ЗВЕЗД

INSPIRIA

Эмма Донохью
Притяжение звезд
Серия «Loft. Современный роман»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64855701
Притяжение звезд: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-117790-4

Аннотация

Книга, которая невероятно актуальна сегодня. Эмма Донохью рассказывает о страшной эпидемии, поразившей Европу в XX веке.

В Ирландии, обескровленной войной, эпидемия «испанки» не сбавляет оборотов – в госпитале в центре Дублина не хватает докторов и сестер, а больные все прибывают. Под удар попадают и те, кому вынести его сложнее других – будущие матери на поздних сроках беременности. Медсестра Пауэр делает все, что в ее силах, чтобы спасти рожениц и помочь появиться новой жизни. В канун Дня Всех Святых в ее маленькое царство вступают еще две необыкновенные женщины – молоденькая волонтерка Брэйди Суини и доктор Кейтлин Линн, суфражистка, которая, по слухам скрывается от полиции из-за участия в восстании. За три дня их судьбы сплетутся невероятно крепко, соединенные любовью, смертью и надеждой, которая продолжает сиять даже в крошечной тьме.

Номинирована на престижную литературную премию Giller Prize.

«Глубокая, душераздирающая и полная откровений панорама жизни, смерти и любви во время пандемии. Это невероятный роман.» – *Эмили Сент-Джон Мандел*.

Содержание

I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Эмма Донохью

Притяжение звезд

© Алякринский О., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Персонажи и события в этой книге вымышлены.
Любое сходство с реальными людьми, живыми
или умершими, случайно и не входило в намерения
автора.*

I

Красный

Тем дождливым утром я вышла из дома за несколько часов до рассвета. Я ехала на велосипеде по блестящим мокрым улицам. Короткая зеленая пелерина спасала меня от дождя, но рукава пальто вскоре вымокли насквозь. Когда я проезжала переулок, в котором теснилось стадо коров, в нос ударил смрад навоза и крови. Мальчишка в мужском пальто выкрикнул мне вслед какое-то ругательство. Я нажала на педали и обогнала автомобиль, который ради экономии бензина тащился с черепашьей скоростью.

Как обычно, я оставила велосипед на аллее, навесив на заднее колесо кодовый замок (естественно, германского производства. Интересно, где я найду замену, когда его механизм заржавеет?). Распустила боковые тесемки юбки и достала из багажной корзинки вымокшую под дождем сумку. Я бы предпочла проделать на велосипеде весь путь до больницы и добралась бы туда вдвое быстрее, чем на трамвае, но наша главная терпеть не могла, когда медсестры появлялись на работе вспотевшие.

Выйдя на мостовую, я едва не попала под дезинфекционную тележку. В воздухе над ней витал сладковатый смолистый аромат. Я увернулась от мужчин в масках, которые мы-

ли брусчатку около водосточных канав из шланга, который тянулся из зарешеченного стока вдоль дороги.

Я миновала импровизированную часовенку в честь павших воинов – деревянный триптих, задрапированный британским флагом. Еще там стояла выщербленная Дева Мария в одеянии небесно-голубого цвета, полочку под ее ногами усыпали увядшие цветы. На триптихе были выведены десятки ирландских фамилий – из нескольких десятков тысяч павших, из сотен тысяч отправившихся на фронт. Я подумала о брате, который остался дома и доедал свой тост.

Яркий электрический фонарь на трамвайной остановке казался размытым пятном на фоне занимающейся зари. Фонарный столб был обклеен объявлениями: *«ИСТОЩЕНЫ И ОСЛАБЛИ ОТ СЛИШКОМ ТОРОПЛИВОЙ ЖИЗНИ? ПРЕЖДЕВРЕМЕННО ЧУВСТВУЕТЕ СЕБЯ СТАРЫМ?»*

Завтра мне исполнится тридцать.

Но я не позволяла себе страшиться этого числа. Тридцать означает зрелость, определенное положение в обществе и силу, разве нет? Даже избирательное право – ведь его уже распространили на женщин старше тридцати, отвечающих имущественному цензу. Правда, перспектива голосовать представлялась мне нереальной, потому что всеобщих выборов в Великобритании не проводили уже восемь лет и не собирались проводить, пока не закончилась война, и только Богу известно, какая ситуация тогда будет в мире.

Мимо прогрохотали первые два трамвая; они были забиты

до отказа, вероятно, на этой неделе отменили еще несколько маршрутов. Когда подошел третий, я кое-как втиснулась в вагон. Туфли на резиновом ходу скользили на мокрых от карболки ступенях лесенки. Вагон рассекал предрассветную тьму, его мотало из стороны в сторону, поэтому я, крепко вцепившись в поручень, с усилием поднялась наверх. Пассажиры на верхней площадке, похоже, вымокли до нитки, и я встала под навес, вдоль которого тянулась надпись:

ПРИКРЫВАЙТЕ РОТ ПРИ КАШЛЕ ИЛИ
ЧИХАНИИ... БОЛЕЗНЬ СЕЮТ ГЛУПЦЫ И
ИЗМЕННИКИ.

Разгоряченная после велосипеда, я нырнула в утреннюю прохладу, и теперь меня слегка познабливало. Двое мужчин на скамейке-империале подвинулись в разные стороны, освобождая мне место, и я втиснулась между ними, поставив на колени саквояж. Косой дождь моросил прямо на нас.

Трамвай, пронзительно визжа, набрал скорость и промчался мимо вереницы конных кебов, но зашоренные лошади не обратили на него ни малейшего внимания. Внизу, в конусе уличного света я заметила пару: держась за руки, они спешили по своим делам, и заостренные маски на их лицах напоминали клювы неведомых птиц.

Сквозь толпу пассажиров верхней площадки пробирался кондуктор. Его фонарик – плоский, точно фляжка для виски – испускал дрожащее сияние, освещая колени и ботинки. Я выудила из перчатки потную монетку, бросила ее в кружку,

на дне которой болталась мутноватая жидкость, и подумала: неужели карболка и впрямь способна смыть с монет все бактерии?

– Этим вы оплатите проезд только до Колонны, – предупредил меня кондуктор.

– То есть тариф повысили?

– Ну что вы, это могло бы вызвать волнения. Но теперь за пенни можно доехать только до Колонны.

Раньше я бы посмеялась над этой шуткой.

– А до больницы...

– Надо добавить к вашему пенни еще полпенни, – ответил кондуктор.

Я достала из саквояжа кошелек и нашла нужную монетку.

Мы проехали мимо железнодорожного вокзала: внутри чинно входила вереница детей с чемоданами, которых родители отправили за город в надежде, что там они будут в безопасности. Но, насколько я могла судить, эпидемия свирепствовала уже по всей Ирландии. Это незримое исчадие зла имело десятки имен: «великая инфлюэнца», «солдатская/окопная болезнь», «синяя инфлюэнца», «черная инфлюэнца», «грипп» (всякий раз, услышав это слово, я представляла себе увесистую опухоль на плече, вроде гриба-паразита, вросшего в ствол дерева). Иногда для обозначения инфлюэнцы прибегали к эвфемизму: «заболевание». Или «фронтальной недуг», исходя из соображения, что это некий побочный эффект длившегося четыре года смертоубийства,

инфекция, зародившаяся в окопах и распространившаяся по всему миру в условиях повальной неразберихи.

Мне, можно сказать, повезло. Я оказалась одной из тех, кто легко отделался. В начале сентября я слегла с ломотой во всем теле. Я уже была достаточно наслышана об этом жестоком гриппе и перепугалась не на шутку – но в считанные дни снова встала на ноги без каких-либо симптомов, только еще несколько недель все цвета чудились мне в каком-то серебристом ореоле, словно я смотрела на предметы сквозь запотевшее стекло. Если не считать этого, никаких последствий болезни не испытывала, ну разве что пребывала в несколько подавленном настроении. Но в общем беспокоиться было не о чем.

Доставщик – парнишка с торчавшими из-под шортов ногами-спичками – промчался мимо трамвая на велосипеде, подняв разноцветный веер маслянистых брызг. Должно быть, подумала я, трамвай еле тащился в редком потоке автомобилей, чтобы не тратить много электричества или в соответствии с новой инструкцией. Я бы уж давным-давно оказалась в больнице, если бы главная медсестра позволяла нам добираться до нее на велосипеде.

Но даже если бы я нарушила это правило, она бы все равно ничего не узнала, потому что последние три дня лежала в женском инфекционном отделении, заходясь от кашля и не в силах произнести ни слова. Но мне не хотелось действовать за спиной главной, пользуясь ее беспомощным состоянием.

Южнее Колонны Нельсона трамвай, отчаянно визжа тормозами, замедлил ход и остановился. Я обернулась посмотреть на обугленную цитадель почтамта – одного из нескольких мест в городе, где забаррикадировались мятежники во время шестидневного восстания¹. Какая бессмысленная и вредная затея! Ведь Вестминстер уже был готов предоставить Ирландии автономию, и введение гомруля² отложили только из-за разразившейся мировой войны. Вообще-то я совершенно не возражаю против того, чтобы Ирландия управлялась из Дублина, а не из Лондона, только добиваться этого следовало бы мирным способом. Ведь стрельба на дублинских улицах в шестнадцатом году не приблизила гомруль ни на дюйм, верно? Только дала многим повод возненавидеть горстку тех, кто пролил ради нас кровь.

Чуть дальше по улице, где многие здания вроде книжного магазина, где я покупала любимые комиксы Тима, были стерты с лица земли британской артиллерией во время краткого мятежа, восстановительные работы еще даже не начались. Некоторые переулки все еще оставались забаррикадированными спиленными деревьями и колючей проволокой. Наверное, пока шла война, цемент, смола, асфальт и древесина были в дефиците.

---

¹ Речь идет о Пасхальном восстании 1916 года. В здании дублинского почтамта располагалась штаб-квартира восставших. – *Здесь и далее прим. перев.*

² Гомруль – самоуправление (*англ.*). Движение за автономию Ирландии на рубеже XIX–XX веков.

Делия Гарретт, подумала я. Айта Нунен.

Хватит!

Эйлин Дивайн, уличная торговка, у которой инфлюэнца переросла в пневмонию: весь вчерашний день она харкала зеленовато-красной слизью, а температура у нее скачками то взлетала, то опускалась, словно воздушный змей под порывами ветра.

Перестань, Джулия!

Между сменами я старалась не думать о пациентах, ведь все равно я ничем не могла им помочь, пока находилась вдали от них.

На афишной тумбе красовалась программа концерта-варьете, на которую по диагонали наклеили полосу со словом «ОТМЕНЕНО». Поверх афиши финальных игр чемпионата Ирландии по хёрлингу³ наклеили другое объявление: «ОТЛОЖЕНЫ НА НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК». Многие магазины закрылись из-за гриппующих продавцов, в окнах большинства контор были опущены жалюзи и висели скорбные объявления. А редкие компании, что все еще оставались открытыми, казались заброшенными по причине отсутствия клиентов. Дублин смахивал на рот с выбитыми зубами.

Пахнуло эвкалиптом. Сидевший слева от меня на скамейке мужчина поднес ко рту и носу платок, смоченный в эвкалиптовой настойке. Многие прилаживали такие душистые

---

³ Разновидность хоккея на траве, распространенная в Ирландии и ряде англоязычных стран.

платки себе на шарфы или на лацканы пальто. Раньше мне нравился этот древесный аромат – до того, как стал ассоциироваться со страхом. Но я уже не съеживалась, услышав, как рядом со мной кто-то чихнул, ведь у меня выработался иммунитет к этому штамму сезонного гриппа; я даже чувствовала облегчение от мысли, что уже переболела.

Сидевший позади меня мужчина зашелся раскатистым кашлем. За ним другой. Кхе-кхе – словно кто-то пытался срубить дерево не топором, а ножом. Пассажиры как по команде отстранились от кашляющих. Этот странный негромкий звук мог возвестить о начале гриппа, а мог быть невинным симптомом длительного периода выздоровления; кашель мог быть проявлением безобидной простуды или всего лишь нервным тиком, который, подобно зевоте, возникает сразу же, как только о нем вспомнишь. Но весь город был склонен предполагать худшее, что неудивительно.

Перед конторой гробовщика стояли три катафалка в ряд, в первый уже была впряжена лошадь для первой сегодня погребальной процессии. По переулку топали двое мужчин в фартуках, неся на плечах длинные доски, – для новых гробов, догадалась я.

Теперь, после рассвета, уличные фонари совсем потускнели. Наш трамвай прогрохотал мимо моторного омнибуса, скособочившегося под тяжестью пассажиров. Я увидела, как двое мужчин бьют башмаками по задней оси. Человек десять-двенадцать в траурных одеяниях уже сидели на ска-

мейках впритык друг к другу, словно их упрямая решимость могла им помочь вовремя попасть на отпевание. Но женщина-водитель в полном отчаянии прижала лоб к рулевому колесу.

Сидевший справа мужчина направил маленький фонарик на газетную страницу, ткнув меня при этом в локоть. Я больше не покупала газет из боязни огорчить Тима. Иногда я приносила в дом книги, но вот уже неделю как библиотека потребовала вернуть все взятые книги и закрылась на карантин.

Вверху газетной полосы я заметила дату и вспомнила, что сегодня Хеллоуин. На странице рекламировались горячий лимонад, страхование жизни и «Синнаминт, бактерицидные таблетки для горла». Рядом с маленькими рекламными блоками подверстали многочисленные благодарственные объявления: «Искренняя благодарность Церкви Пресвятого Сердца и Душ Праведных за выздоровление нашей семьи». Мужчина перевернул страницу, но следующие две полосы были без текста – просто квадраты грязно-белого цвета. Он раздраженно крикнул.

Наш сосед по лавке подал голос:

– Перебои в электроснабжении. Типография, должно быть, решила поэкономить энергию.

Женщина позади нас заметила:

– И правильно, газовщики уж как стараются, чтобы все работало без сбоев, даром что у них персонал уполовинился.

Мой сосед обратился к последней странице. Я старалась не обращать внимания на заголовки, освещаемые пляшущим лучом его фонарика: «Мятеж на флоте против кайзера: дипломатические переговоры на высшем уровне». Люди надеялись, что Центральные державы не смогут долго противостоять коалиции союзников⁴. Но это твердили уже много лет.

Половина этих новостей – выдумка, напомнила я себе. Их искажают, чтобы поднять моральный дух или, во всяком случае, подвергают цензуре, чтобы не допустить его дальнейшего падения. Например, ирландские газеты перестали публиковать список почета – имена солдат, павших на разных театрах войны. Тех, кто записался в армию ради короля и империи, или во имя правого дела по защите малых народов, или, может быть, из желания найти денежную работу, или в поисках приключений, или – как мой брат – только потому, что на фронт записался его лучший друг. Я регулярно изучала новые списки почета, ища там Тима, почти все те три года, что он был на фронте и присылал мне письма из разных мест (Галлиполи, Салоники, Палестина: от этих географических названий у меня до сих пор кровь стыла в жилах). Каждую неделю колонки имен отгрызали дюйм за дюймом площадь газетной страницы, удлиняясь под заголовка-

---

⁴ Союзники в Первой мировой войне – общее название членов коалиции стран (Англия, Франция, Россия, Италия, Греция и др.), находившихся в состоянии войны с блоком Центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя и др.).

ми, звучащими словно названия партий макабрической салонной игры: «Без вести пропавшие», «Попавшие во вражеский плен», «Раненые», «Раненые-контуженные», «Умершие от ран» и «Погибшие в бою». Изредка появлялись фотографии. Иногда указывались особые приметы, иногда родственников просили предоставить дополнительную информацию. Но с прошлого года потери оказались слишком велики, а газетной площади было мало, поэтому приняли решение, что с определенной даты публикация имен производилась только по запросу тех, кто готов был за это платить, скажем, по три пенни еженедельно.

На газетной странице я заметила только один заголовок, касающийся эпидемии, – в самом низу справа: «Рост числа сообщений об инфлюэнце». Просто шедевр замалчивания. Как будто речь шла о том, что растет только количество сообщений об эпидемии, или, возможно, что эпидемия – всего лишь плод коллективного помешательства. Интересно, подумала я, выбор такого заголовка – это личное решение владельца газеты принизить значение опасности или он получил приказ сверху?

Впереди на фоне бледного неба высился величественный силуэт старомодного здания госпиталя. У меня свело живот. От радостного возбуждения или от нервозности? В последнее время трудно было отличить одно от другого. Я с усилием протиснулась к лесенке, и сила гравитации помогла мне преодолеть ведущие вниз ступени.

Стоявший на нижней площадке мужчина шумно откашлялся и харкнул на пол. Люди вокруг него отшатнулись, то-ропливо отодвигая от плевка башмаки и полы платьев.

Женский вопль:

– Вы бы еще стрелять по нам начали!

Сойдя с трамвая, я заметила аршинные буквы новых официальных заявлений на расклеенных повсюду плакатах:

НОВЫЙ ВРАГ В НАШИХ РЯДАХ: ПАНИКА
ОБЩЕЕ ОСЛАБЛЕНИЕ СИЛЫ ДУХА, ИЗВЕСТНОЕ
КАК УСТАЛОСТЬ ОТ ВОЙНЫ, РАЗВЯЗАЛО ЭТУ
ИНФЕКЦИЮ.

ПОРАЖЕНЦЫ – ПОСОБНИКИ БОЛЕЗНИ.

Похоже, власти пытались нас взбодрить, как всегда, несколько истерически, но мне показалось несправедливым, что больных обвиняют в пораженчестве.

Над больничными воротами, отражая последние отблески уличных фонарей, сияли позолоченные чугунные буквы: *Vita gloriosa vita*. Жизнь, славная жизнь.

Помню, как в первый день работы – мне тогда было двадцать один год, – прочитав этот девиз, я буквально покрылась мурашками. Отец все три года оплачивал мою учебу в сестринском училище, после которого меня направили сюда работать медсестрой отделения три дня в неделю, и именно в этом внушительном четырехэтажном здании – мрачной, но по-своему красивой викторианской постройке – я обучилась всем премудростям профессии.

Жизнь, славная жизнь. Только теперь я заметила, что за-сечки на буквах почернели от сажи.

Я пересекла двор следом за двумя монахинями в белых чепцах и с ними вошла в здание. Говорят, из монахинь получают самые усердные и самоотверженные медицинские сестры. И за все годы работы здесь рядом с ними я, естественно, чувствовала себя далеко не лучшей из лучших. Как совершенно справедливо считалось, эта больница – как почти все больницы, школы и сиротские дома в Ирландии, – хотя и финансировалась правительством, не могла бы существовать без помощи сестер-монахинь. Хотя практически весь наш персонал принадлежал к римско-католической церкви, двери больницы были открыты для любого жителя столицы, который нуждался в медицинской помощи (правда, большинство протестантов были достаточно зажиточны, чтобы отправиться на лечение куда угодно).

По-хорошему, сейчас мне положено находиться в деревне. У меня накопилось три дня отгулов, и я договорилась с отцом, что приеду к нему на ферму немного отдохнуть и подышать свежим воздухом, но в последний момент пришлось известить его телеграммой, что в отпуске мне отказано. Меня нечем было заменить, поскольку многие сестры – включая главную медсестру – пали жертвой гриппа.

Строго говоря, ферма принадлежала отцу и его нынешней жене. Мы с Тимом вполне благодушно относились к мачехе – а она к нам. Хотя своих детей у нее не было, она всегда

держалась с нами довольно отчужденно, да и мы с ней тоже. Зато теперь, когда мы выросли и жили в Дублине самостоятельно, у нее не имелось поводов на нас обижаться. Вообще-то, медсестрам платили ужасно мало, но мы с Тимом умудрились снять небольшой домик, в основном благодаря его военной пенсии.

Но сейчас меня переполняла тревога. Эйлин Дивайн, Айта Нунен, Делия Гарретт – как мои пациентки обходились без меня?

В последнее время внутри больницы было куда прохладнее, чем снаружи; лампы светили тускло, печи скудно подкармливались углем. Каждую неделю поступали новые гриппозные больные, в палаты постоянно втаскивали новые койки. Царивший в больнице строгий порядок, который удавалось поддерживать на протяжении всех четырех лет военной неразберихи и вечной нехватки всего, даже в течение шести дней Восстания, с постоянной стрельбой на улицах и атмосферой хаоса, под бременем нынешней эпидемии стал медленно рушиться. Заболевшие сотрудники исчезали, как пешки с шахматной доски. Оставшиеся старались вовсю, работали еще усерднее, еще быстрее, взваливая на себя куда больше забот, чем могли выдержать, но наших усилий все равно не хватало. Инфлюэнца стала неустранимой помехой в работе, отчего исправный механизм то и дело глох.

Причем не только в больнице, напомнила я себе, но и во всем Дублине. Во всей стране. И, насколько я могла судить,

во всем мире. На разных континентах, как я предполагала, на сотнях языков повсюду появлялись плакаты, призывавшие людей при кашле прикрывать рот ладонью. Ситуация у нас была ничуть не хуже, чем в других странах, и жалеть себя было так же бесполезно, как паниковать.

Войдя в здание, я что-то нигде не заметила нашего при-
вратника и понадеялась, что он не заболел. Только проходя-
щая уборщица поливала карболкой мраморный пол под ста-
туей Пресвятой Девы в голубом одеянии.

Я миновала приемный покой и направилась к лестнице,
ведущей наверх к родильному отделению и инфекционному
стационару. Под белой маской я узнала младшую сестру; от
косынки на голове до подола платья она была покрыта кро-
вавыми брызгами, словно побывала на скотобойне. Привыч-
ные стандарты и впрямь расшатывались.

– Медсестра Кавана, вы из хирургии?

Она мотнула головой и возбужденно ответила:

– Сейчас иду туда, медсестра Пауэр. Меня попросили
осмотреть мужчину, который упал на улице. Лицо побагро-
вело, вцепился обеими руками в воротник...

Я похлопала младшую медсестру ладонью по руке, чтобы
ее успокоить.

Судорожно сглатывая, она продолжила рассказ:

– Я попыталась усадить его на брусчатку и расстегнуть
крючки на воротнике, чтобы он смог дышать...

– Очень хорошо.

– ...а он вдруг резко закашлялся и...

Медсестра Кавана растопырила липкие пальцы и указала на свою грудь, всю в свежих пятнах крови.

Я учуяла резкий металлический запах.

– О боже! Его уже оформили к нам?

Но, проследив за ее взглядом, я заметила накрытые простыней носилки на полу и поняла, что оформлять уже поздно, мы ничем не могли ему помочь. Кто бы ни вынес носилки на улицу и помог медсестре Кавана доставить несчастного в больницу, его уже и след простыл.

Я присела на корточки и, сунув руку под простыню, дотронулась до горла мужчины, чтобы нащупать пульс. Ничего.

Какая жуткая болезнь. Некоторые заболевшие сражались с ней месяцами, а она коварно забиралась в их организм, принимая обличье пневмонии – осложнения после гриппа, – и бой приходилось вести буквально за каждый дюйм тела. А другие капитулировали в считанные часы. Был ли этот бедняга упрямым, который стойчески противился боли, лихорадке и кашлю, покуда вдруг посреди улицы не обнаружил, что не в силах ни идти, ни говорить, и только и смог извергнуть фонтан живой крови на медсестру Кавана? Или, быть может, еще сегодня утром он прекрасно себя чувствовал, в то время как внутри его набрякала смертельная буря?

Третьего дня водитель кареты «Скорой помощи» рассказал мне ужасную историю: они с бригадой санитаров поехали по телефонному вызову: позвонила молодая женщина, ко-

торая сообщила, что сама в полном здравии, но одна из ее соседок по квартире вроде бы заболела, и две другие тоже неважно себя чувствуют... Когда же карета прибыла по нужному адресу, они обнаружили там четыре трупа.

Я поняла, что сестра Кавана не рискнула оставить без присмотра носилки перед приемным покоем и сбегать за подмогой, потому что кто-то мог случайно споткнуться о труп. Я вспомнила, как сама была младшей медсестрой: меня тоже охватывал парализующий страх, что, следуя одному правилу, я нарушу другое.

– Я найду санитаров, и они отнесут его в морг, – пообещала я ей. – Идите выпейте чаю.

Сестра Кавана с трудом кивнула.

– А вам разве не надо носить маску? – поинтересовалась она.

– В прошлом месяце я переболела гриппом.

– Я тоже, но...

– Ну и хорошо... (Я старалась говорить с ней добродушно, не раздраженно). Им же нельзя заразиться дважды.

Медсестра Кавана только моргала, словно кролик на рельсах, застывший от ужаса перед приближающимся поездом.

Я пошла по коридору и сунула голову в комнату санитаров.

Группка курильщиков в мятых круглых шапочках и в белых куртках, смахивающих на мясников. Почуяв табачный

аромат, я сразу мечтательно вспомнила о «Вудбайне»⁵ (главная медсестра отучила всех наших от дурной привычки, но иногда я позволяла себе эту слабость).

– Прошу прощения, в приемном покое находится труп.

Один из санитаров с металлической накладкой в пол-лица слюняво фыркнул:

– Ошибся дверью, а?

Фамилия этого санитаря была Николс, или «безносый Николс» (жуткое прозвище, но подобные словесные трюки помогали мне запоминать имена). Блестящая тонкая медная маска, скрывавшая отсутствие у него носа и левой щеки, неприятно напоминала настоящее лицо и даже имела голубоватый оттенок, как у свежесбритой кожи, а под носом были приклеены усы из настоящих волос.

Рядом с ним сидел человек с дрожащими руками. О’Шей – кличка трясуна О’Шей.

Третий санитар – по фамилии Гройн – вздохнул:

– Еще одной душой на том свете больше!

Все трое служили на фронте санитарями. Говорили, они записались в армию вместе, но разница заключалась в том, что О’Шей и Николса отправили на передовую, где нехватка санитарного инвентаря была настолько острой, что когда у санитаров заканчивались носилки, им приходилось выносить раненых с помощью подручных средств – на шинелях

---

⁵ Дешевая марка сигарет без фильтра, популярная среди британских солдат начала XX века.

или на мотках проволоки, а вот Гройну повезло попасть в тыловой госпиталь, и он даже ни разу не слышал пушечного выстрела. И приехал с фронта без единой царапины, целехонький, как письмо, вернувшееся к отправителю. Но они все равно остались друзьями, и из всей троицы Гройна я, хоть режь меня, терпеть не могла.

– Мы будем его звать Анонимным поступившим, – издевательски произнес Гройн. – Скрывшимся за занавесом. Примкнувшим к большинству.

У этого человека был неисчерпаемый запас остроумных эвфемизмов для великого уравнителя – смерти. «Отбросила коньки», говорил Гройн об умершей пациентке, или «откинула тапочки», или «ушла считать червей».

Еще он воображал себя певцом.

– Пока, милоч, прощай! – заунывно затянул он. – Прощай и будь здоров!

Николс гнусаво подхватил вторую строчку:

– Смахни слезу, дружок ты мой...

Я стиснула зубы. Несмотря на то что у всех нас за плечами были многие годы обучения – у меня имелись диплом по теории, полученный в училище, и еще один по практической госпитальной работе, и третий по узкой специальности, – эти мужчины обожали говорить с нами свысока, как будто мы, женщины, слабый пол, нуждались в их помощи. Но вежливость всегда окупалась, поэтому я спокойно попросила:

– Когда у вас выдастся свободная минутка, вы не могли

бы вдвоем отнести анонимного пациента вниз?

– Все, что пожелаете, медсестра Пауэр, – отозвался О’Шей.

Гройн нагнулся к переполненной медной пепельнице, задушил в ней недокуренную сигарету и припрятал в карман, чтобы докурить потом. При этом он напевал:

Не плачь, не вздыхай до утра.
Нет худа, милоч, без добра.
Прости-прощай, браток,
Бывай и будь здоров, дружок!

– Благодарю вас, джентльмены!

Направляясь к лестнице, я почувствовала легкое головокружение. Сегодня у меня во рту не было ни маковой росинки.

Спустившись в подвальный этаж, я пошла не сразу в морг, а во временную столовую, которую устроили в больничной кухне. Нашу столовую в цокольном этаже переоборудовали в отделение для больных гриппом, поэтому теперь еду для персонала подавали в квадратном помещении без окон, где пахло мебельным лаком и овсянкой и еще витал запах тревоги.

Нас, врачей и медсестер, еще державшихся на ногах и выходявших на смену, осталось так мало, что очередь в столовой была довольно короткой. Люди стояли у стен и жадно поглощали массу яичного цвета с чем-то, похожим на сосис-

ки. Я заметила, что примерно половина носила маски: те, кто еще не переболел гриппом или (как медсестра Кавана, предположила я) опасались лишать себя ощущения безопасности, которое давали им тонкие полоски марли.

– Двадцать часов работы и всего четыре часа сна! – раздался за моей спиной девчачий возглас.

Я ее узнала: это была практикантка нынешнего года, которой казалось в новинку работать в отделении полную смену: молоденьким практиканткам доставало нашей выносливости.

– Новых пациентов теперь кладут в коридорах, – недовольно пробурчал врач. – По-моему, это очень негигиенично.

– По мне, лучше уж так, чем их отфутболивать, – заметил его коллега.

Оглядевшись, я поразилась, до чего тут собралась разношерстная компания. Некоторые врачи были явно преклонного возраста, но и они требовались в больнице, по крайней мере до конца войны, чтобы подменить молодых докторов, отправившихся на фронт. Я видела врачей и сестер, побывавших на фронте и получивших ранения, но недостаточно серьезные для полноценной военной пенсии, так что они снова вернулись в больницу, несмотря на заработанные шрамы, хромоту, астму, мигрень, колиты, малярию или туберкулез. В детской хирургии, как я слышала, работала медсестра, которую одолевал хронический страх насекомых, якобы

ползающих по ее телу.

Я уже была второй от начала очереди. В животе заурчало.

– Джулия!

Ко мне сквозь толпу возле стола с едой протиснулась Глэдис Хорган, я ей улыбнулась. Мы подружились на курсах почти десять лет назад, но с тех пор, как я стала работать акушеркой, а она – в отделении офтальмологии и отоларингологии, виделись довольно редко. Некоторые выпускницы нашего училища потом устроились в частные клиники или в дома инвалидов, и с учетом вышедших замуж, или тех, у кого болели ноги или случился нервный срыв, из нашей группы остались немногие. Глэдис жила при больнице вместе с небольшой группой медсестер, а я вместе с Тимом, и это тоже немало способствовало тому, что жизнь нас развела: едва у меня заканчивалась смена, я мчалась домой позаботиться о брате.

– Разве ты не должна быть в отпуске? – нахмурилась Глэдис.

– В последний момент все отменилось.

– Кто бы сомневался! Ну, держи хвост трубой!

– Ты тоже, Глэдис!

– Надо бежать, – сказала она. – О, тут растворимый кофе!

Я скорчила гримасу.

– Ты его пробовала?

– Один раз. Для разнообразия. Та еще гадость!

– Ну хоть взбодриться...

Глэдис залпом выпила кофе, облизала губы и поставила пустую чашку на стол с грязной посудой.

Мне хотелось с кем-то поболтать, поэтому я взяла себе стакан водянистого какао и ломтик хлеба из муки грубого помола; каждый день хлеб был темный, варьировалась только мука – ячменная, овсяная или ржаная, – кроме того, в него подмешивали всякую всячину: сою, бобы, саго и даже, всем на потеху, древесные опилки.

Поднимаясь по лестнице, я, чтобы восполнить время, потраченное на разговор с санитарями, которых попросила перенести анонимного мертвеца в морг, на ходу жевала хлеб и пила какао. Главная медсестра (в тот момент она лежала наверху, в женском инфекционном отделении) была бы до глубины души возмущена моими вульгарными манерами. Но сейчас везде, как выразился бы Тим, если бы мог хоть что-то сказать, была полная жопа.

Я и не заметила, как окончательно рассвело: лучи позднего октябрьского солнца били в выходящие на восток окна.

Сунув в рот последний кусочек хлеба, я вошла в дверь, на которой висела бумажка с рукописной надписью: «Родильное/Инфекционное отделение». Это было никакое не отделение, а просто кладовая, переоборудованная в палату в прошлом месяце, когда нашему руководству стало ясно не только, что пугающими темпами росло число рожениц, заболевших гриппом, но и что этот грипп представлял особую опасность и для них, и для младенцев.

Старшая медсестра в отделении была, как и я, непрофессиональной медсестрой, более того, она была моим наставником, когда я получала диплом по акушерскому делу: сестра-монахиня Финниган. И мне было лестно, когда на прошлой неделе она выбрала себе в ассистентки для работы в этой крошечной палате именно меня. Поступающие гриппозные роженицы на поздней стадии беременности направлялись сразу сюда, а из родильного отделения на втором этаже к нам переводили пациенток с высокой температурой, болями или кашлем. У нас еще ни разу никто не рожал, и сестра Финниган считала это Божьей милостью, поскольку наше примитивное оборудование не позволяло принимать роды. Я накрепко запомнила строчку из нашего учебника: женщине с ребенком «важно создать окружающую обстановку, способствующую полной безмятежности». Что ж, наша палата-временка скорее могла вызвать раздражение: помещение было тесное, на тумбочках около кроватей стояли лампы на батарейках вместо обычных электрических ночников, у нас имелись раковина и окно, но не было камина, поэтому, чтобы пациентки не мерзли, их приходилось укутывать в одеяла.

Вначале здесь стояли две железные койки, но на прошлой неделе нам удалось втиснуть между ними и третью – чтобы принять Эйлин Дивайн. Едва войдя в палату, я сразу посмотрела на нее, лежавшую на центральной койке, между Айтой Нунен, похрапывавшей слева, и Делией Гарретт справа: Делия в халате, закутанная в одеяло, с шарфом, обмотанным

вокруг шеи, читала журнал. Но средняя койка пустовала и была застелена чистым бельем.

Кусок хлеба колом встал у меня в глотке.

– Торговка ведь была слишком больна, чтобы ее выписали? – Не опуская журнала, Делия Гарретт злобно посмотрела на меня.

Ночная сиделка поднялась со стула.

– Медсестра Пауэр!

Сестра Люк.

Работу в родильных отделениях церковь считала неприличной для монахинь, но, учитывая нехватку акушерок, главной медсестре удалось убедить монашеский орден направить сестру Люк (опытную сиделку) в родильное/инфекционное отделение. *Временно*, как все говорили.

Мне не хватило духу произнести вслух имя Эйлин Дивайн. Я допила какао, которое теперь горчило, как желчь, и ополоснула чашку под краном.

– Сестра Финниган еще не приходила?

Монахиня указала пальцем на потолок.

– Вызвали в родильное.

Это прозвучало, как один из веселых эвфемизмов, которыми Гройн заменял слово «смерть».

Сестра Люк поправила эластичную ленту повязки на глазу – и напомнила мне марионетку, дергающую за собственные ниточки. Как и многие монахини, она добровольно пошла на фронт, и после того как ей взрывом шрапнели выбило глаз,

вернулась домой. Между белым платком-покрывалом и белой маской виднелся лишь участок кожи – островок вокруг уцелевшего глаза.

Сестра подошла ко мне и, кивнув на пустую кровать, тихо произнесла:

– Бедная миссис Дивайн впала в кому около двух часов ночи и в половине шестого испустила дух, *requiescat in pace*⁶.

И торопливо осенила крестным знаменем свой бело-снежный нагрудник.

При мысли о несчастной Эйлин Дивайн мое сердце сжалось. Костлявая дурачила всех нас. Так в тех краях, где я выросла, мы, дети, называли смерть: костлявая, всадница-скелет, которая, держа ухмыляющийся череп под мышкой, объезжала один за другим дома своих жертв.

Я, ни слова не говоря, повесила плащ с пелериной и заменила вымокшую под дождем соломенную шляпку на белый чепец. Потом вынула из саквояжа фартук и, расправив его руками, надела поверх зеленого форменного платья.

Тут Делия Гарретт выпалила:

– Я проснулась и увидела, как мужчины ее уносят, накрыв ей голову простыней!

Я подошла к ее кровати.

– Это очень печально, миссис Гарретт, но грипп глубоко засел у нее в легких и в конце концов заставил сердце остановиться.

---

⁶ Да упокоится с миром (*лат.*).

Делия Гарретт, содрогнувшись, шмыгнула носом и отбросила со лба мягкий локон.

– Мне вообще не нужно было ложиться в больницу. Мой доктор сказал, что у меня легкая форма.

С тех пор как она прибыла к нам вчера из протестантского родильного дома, опекаемого ее достославной Церковью Ирландии⁷, где двух сиделок-акушеров разом свалил грипп, Делия Гарретт постоянно повторяла эту фразу. Она появилась у нас в шляпке с лентами и в перчатках, а не в стареньком платке, как большинство наших пациенток; это была двадцатилетняя особа с южнодублинским аристократическим говором, вся из себя шикарная.

Сестра Люк стянула за рукава свой плащ-макинтош, потом сняла с крючка широченную черную пелерину.

– Ночь прошла для миссис Гарретт благоприятно, – сообщила она мне.

– Благоприятно! – Услышав это слово, Делия Гарретт прикрыла рот тыльной стороной ладони и закашлялась. – На этой убогой бугристой жесткой кровати в комнате, где справа и слева люди *мрут*?

– Сестра лишь имеет в виду, что симптомы гриппа у вас не ухудшились.

Я сунула термометр в нагрудный кармашек, где лежали серебряные часы на цепочке. Потом проверила пояс и пуговицы. Все пряжки и застежки должны были находиться сбо-

---

⁷ Крупнейшая протестантская церковь в Ирландии.

ку, чтобы не поцарапать пациентку.

– Так отправьте меня сегодня же домой, зачем тут держать?

Монахиня предупредила меня, что пульсовое давление – симптом высокого артериального давления – у пациентки все еще высокое.

Мы с сестрой Финниган не могли решить, связано ли с гриппом повышенное давление Делии Гарретт, вообще-то типичное после пятого месяца беременности. Какой бы ни была причина гипертензии пациентки, единственным лечением для нее оставались покой и отдых.

– Сочувствую, миссис Гарретт, но ради вашего же блага нам следует за вами наблюдать, пока вам не станет лучше.

Я мыла руки над раковиной, почти наслаждаясь едкостью карболового мыла. Если бы мне не было больно, я бы не поверила, что это и впрямь мыло с карболкой.

Мое внимание привлекла спавшая на левой кровати.

– А как состояние миссис Нунен, сестра?

– Без изменений.

Монахиня хотела сказать: по-прежнему общается с феями. Со вчерашнего дня Айта Нунен пребывала в бреду, она бы и папу римского не заметила, если бы тот приехал из Ватикана ее навестить. Одно хорошо: ее беспамятство носило спокойный характер, а не вылилось в горячечный бред, в котором страдалицы могли буйствовать, драться или плевать-ся.

– Я ей сделала припарку, – добавила сестра, – как раз перед тем, как она впала в забытие, нужно будет сменить в одиннадцать часов.

Я кивнула. Суэта с приготовлением горячего влажного компресса с льняным семенем, который больным клали на грудь, была моим проклятием. Старые медсестры свято верили в целительную силу льняных припарок, а я считала, что эти компрессы ничуть не действеннее обычной бутылки с горячей водой.

– Когда придет сестра Финниган?

– Боюсь, сегодня вам придется положиться только на себя, сестра Пауэр. – Сиделка указала пальцем на потолок. – Сегодня сестра Финниган – за главную в родильном отделении: там сразу четыре роженицы на сносях, а из персонала остался один доктор Прендергаст.

Врачи в больнице были такой же редкостью, как четырехлистный клевер. Пятеро наших врачей ушли на фронт и сейчас служили в Бельгии или во Франции, один (его арестовали за участие в Восстании) все еще сидел в тюрьме Белфаста, а шестеро болели инфлюэнцей.

У меня от волнения пересохло во рту.

– То есть я сегодня за старшую медсестру по отделению?

Сестра Люк едва заметно пожала плечами. Мол, это тот случай, когда *нас лучше не спрашивать почему*.

Руководство вольно принимать неумные решения – это хотела сказать монахиня? Или мне не стоит жаловаться на

новые обязанности, возложенные на мои плечи?

– Медсестра Джоган тоже выбыла из строя, – добавила она.

Я вздохнула. Мари-Луиза Джоган могла бы мне помочь, она была квалифицированной сиделкой, хотя имела мало опыта в акушерстве; в условиях нынешней острой ситуации ей позволили получить сертификат медсестры раньше срока.

– Полагаю, мне дадут в помощь младшую сестру или хотя бы практикантку?

– Полагаю, никого не дадут, медсестра Пауэр.

Монахиня расправила головной плат и застегнула черную пелерину на шее. Она была готова меня покинуть.

– Ну, хотя бы волонтерку? Помощницу?

– Переговорю с руководством, посмотрим, чем можно вам помочь.

Я через силу поблагодарила ночную сиделку.

Едва за ней закрылась дверь, как я засучила рукава, хотя в палате было прохладно. Все под мою ответственность, подумала я. Хочешь не хочешь, а надо взять себя в руки. Нет смысла ныть.

Первым делом – больше света. Я подошла к небольшому окну и раскрыла зеленые жалюзи. Высоко над дублинским портом заметила дирижабль, выслеживавший германские подводные лодки.

Меня учили, что каждому пациенту требуется пространство объемом в тысячу кубических футов или площадью де-

сять на десять футов на каждую кровать. В этой импровизированной палате каждой пациентке отводилась площадь скорее десять на три фута. Крутя рукоятку фрамуги, я приоткрыла ее сверху, чтобы впустить в помещение больше воздуха. Делия Гарретт капризно заметила:

– Тут и так все время сквозняк!

– Вентиляция в палате необходима для скорейшего выздоровления, миссис Гарретт. Хотите, я принесу вам еще одеяло?

– Не беспокойтесь! – И она уткнулась в свой журнал.

Заправленная койка между ней и Айтой Нунен смотрелась неммым укором: как могила на моем пути. Мне вспомнилось осунувшееся лицо Эйлин Дивайн, которая держала свои вставные зубы в стакане на тумбочке (каждый рожденный ребенок, похоже, стоил любой жительнице большого города пригоршни зубов). Еще я вспомнила, с каким наслаждением она принимала горячую ванну, которую я ей устроила третьего дня, – первую в жизни, призналась она мне шепотом. *Роскошь!*

Мне захотелось выкатить ее опустевшую койку в коридор, чтобы в палате было побольше свободного места, да только там на нее все время будут наткаться. К тому же я не сомневалась, что очень скоро сюда поступит очередная беременная с гриппом.

Медицинскую карту Эйлин Дивайн, висевшую за ее кроватью на стене, уже сняли и, вероятно, отправили в угловой

шкаф, в папку «31 октября» (мы архивировали истории болезней по дате выписки, которая иногда соответствовала дате смерти). Если бы мне пришлось писать заключение намеренно бисерным почерком, чтобы уместить запись под текстом на лицевой и оборотной сторонах листа, я бы сформулировала так: «Крайне истощена». В свои двадцать четыре года мать пятерых детей, страдавшая хроническим недоеданием представительница хронически недоедавших поколений, бледная как полотно, с красными кругами вокруг глаз, плоскогрудая, с плоскостопием, с тонкими, как тростиночки, ногами и руками, на которых как голубые паутинки проступали вены. Эйлин Дивайн всю свою сознательную жизнь будто шла по краю обрыва, и инфлюэнца просто столкнула ее вниз.

Вечно на ногах, не зная отдыха, эти дублинские мамы, хлопчущие по дому и занятые стряпней для своих *мистеров* и *спиногрызов*, питающиеся объедками и литрами поглощающие слабый чай. Мне казалось, что условия их жизни в трущобах следовало бы отражать в историях болезни, как частоту пульса и дыхания, но в этих документах допускались лишь медицинские показатели. Поэтому вместо слова «нищета» я писала «недостаточное питание» или «истощение».

Чтобы зашифровать формулировку «слишком часто рожавшая», я могла написать «анемия, сердечное перенапряжение, болезнь спины, хрупкость костей, варикозное расширение вен, подавленность, недержание мочи, свищ, разрыв

шейки матки, или пролапс матки». От нескольких пациенток я слышала присловье, от которого у меня кровь стыла в жилах: «Если не родишь двенадцать детей, значит, мужа не любишь». В других странах, как мне рассказывали, женщины, забеременев, прибегали к тайным способам, которые в Ирландии не только считались противозаконными, но даже не упоминались вслух.

Сосредоточься, Джулия!

И чтобы напугать себя, я мысленно произнесла: «Исполняющая обязанности старшей медсестры по отделению».

Ну что ж, сейчас мне нужно было сконцентрироваться на живых. Обход всегда начинался с осмотра наиболее тяжелых больных. Поэтому я обогнула смахивавшую на скелет пустую койку Эйлин Дивайн и сняла медкарту со стены слева.

– Доброе утро, миссис Нунен.

Мать семерых детей даже не шевельнулась. Сегодня шел шестой день с тех пор, как Айтту Нунен перевели к нам, и хотя ее не мучил характерный для гриппа кашель, температура держалась высокая, а голова, спина и суставы болели так, словно ее переехал автобус. Так она выразилась, когда еще могла связно говорить.

Айта Нунен подробно рассказала нам о своей работе на оружейном заводе, где она закладывала в снаряды тринитротолуол, – от этого у нее пожелтели пальцы. Она собиралась вернуться на завод после того, как переболеет гриппом,

несмотря даже на, как она с усмешкой заметила, свою увечную ногу (ее правая нога после последних родов раздулась и была вдвое толще левой; опухшая и холодная, с сухой и белой как мел кожей нога не сгибалась; Айте Нунен нельзя было на нее опираться, и вообще распухшую ногу следовало держать на весу, но как это сделаешь в течение рабочего дня?). Она собиралась вернуться на оружейный завод в январе, после выписки – ради хорошей зарплаты и бесплатной еды, – и надеялась, что ее дочка будет приводить туда своего малыша, чтобы поесть. Мистер Нунен сидел без работы с самого локаута, когда хозяева разгромили рабочий профсоюз. Он попытался записаться в армию, но ему дали от ворот поворот из-за грыжи (хотя его приятелю с сухой рукой удалось-таки пройти призывную комиссию и отправиться на передовую), и теперь он зарабатывал игрой на шарманке для прохожих. Аита Нунен беспокоилась о детях, оставшихся дома: мужей в отделение не допускали из-за эпидемии, а ее благоверный был не большой любитель писать письма. Она была кладзем сплетен и шуток и, кстати, твердых убеждений; возмущалась восстанием шестнадцатого года и поведала, что ее заводская бригада – все девчонки были верны его величеству – ни дня не прохлаждалась и снарядила в ту неделю восемьсот снарядов.

Но вчера у Аиты Нунен появились хрипы, подскочила температура, и сознание поплыло. Несмотря на большие дозы аспирина, ночью, насколько я могла судить по темпера-

турному графику, у нее было два скачка жара – до 39,8° и 40,5°.

Я попыталась поставить Айте Нунен термометр под язык, не будя, но она очнулась, и я выдернула термометр изо рта, прежде чем она разгрызла стекло оставшимися зубами. Таковую оплошность хотя бы раз допускала любая медсестра, чей пациент потом долго выплевывал осколки стекла и шарики ртути.

Женщина, моргая голубыми глазами, огляделась вокруг, словно впервые увидела палату, и поежилась, пытаясь освободиться от жгутов, которыми была прикреплена припарка к ее груди. Платок сполз с ее головы, обнажив коротко стриженные волосы, топорщившиеся, как иголки у ежа.

– Я медсестра Пауэр, миссис Нунен. Смотрю, вам сделали стрижку.

– Сестра Люк сложила ее волосы в бумажный пакет, – пробормотала Делия Гарретт.

Некоторые пожилые сестры считали, что стрижка помогает сбить температуру, волосы, мол, все равно потом отрастут, а вот если у гриппозной больной волосы сами выпадут, то потом не вырастут вовсе. Это конечно, предрассудок, но я сочла за лучшее не спорить на этот счет с ночной сиделкой.

Делия Гарретт дотронулась кончиками пальцев до своих ухоженных волос.

– Если бедняжка в конце концов станет лысой, как яйцо, наверное, ей можно будет смастерить парик из собственных

ВОЛОС.

– Позвольте мне измерить вам температуру, миссис Нунен.

Я распустила шейную тесемку на ее ночной рубашке. Термометр под мышкой надо было держать две минуты, а не одну, и показывал он на один градус меньше, но зато отсутствовал риск, что пациент разгрызет стекло. На шее Айты Нунен я заметила цепочку с крошечным распятием – крестик был не больше фаланги моего пальца. Многие люди видели в священных символах талисманы, отпугивающие зло. Я сунула термометр в ее горячую потную подмышку.

– Ну вот и славно.

Айта Нунен выпалила невпопад:

– Бекон в нарезку!

– Правильно.

Я никогда не вступала в пререкания с бредящими пациентами.

Может быть, проголодавшись, она мечтала о завтраке? Хотя в ее состоянии это вряд ли: у больных инфлюэнцей пропадал аппетит. Тощая в свои тридцать три года, бледная – только щеки горят. Живот торчал твердым холмиком. В истории болезни Айты Нунен значилось: «одиннадцать родов, семь выживших новорожденных», – и двенадцатые роды ожидалась не ранее чем через два с половиной месяца (поскольку она не сообщила, когда забеременела или почувствовала первое шевеление плода, сестре Финниган при-

шлось наобум назначить дату родов, основываясь на высоте матки).

В мои обязанности не входило излечить Айту Нунен от всех ее недугов, напомнила я себе, мне нужно было лишь помочь ей безопасно пережить нынешний кризис, вернуть, так сказать, ее лодку в привычный поток почти сносной, как мне представлялось, жизни.

Я прижала два пальца правой руки к впадине между связкой и костью ее запястья, а левой рукой вынула из кармашка тяжелые круглые часы. За пятнадцать секунд я насчитала двадцать три удара и умножила их на четыре. Пульс: 95, чуть выше верхней границы нормы. Записала данные крошечными циферками и буквами в ее карту (в военное время нам вменялось экономить бумагу). Пульс был *регулярно неровный*, что характерно для больных с повышенной температурой. *Давление: в норме. Уже хорошо.*

Когда я вынимала термометр из подмышки Айты Нунен, он прилип к ее дряблой коже. Ртутный столбик стоял у отметки $38,3^{\circ}$, что соответствовало $38,9^{\circ}$ при пероральном измерении: тревожиться не стоит, но утренние показатели всегда ниже дневных, и температура наверняка будет повышаться в течение дня. Карандашом внесла данные в ее температурный график. Многие болезни протекают по характерному циклу: заражение, инкубационный период, первые симптомы с повышенной температурой, снижение температуры, выздоровление: этот график похож на гору.

Айта Нунен пустилась откровенничать. Тяжело сопя, она забормотала своим простонародным говорком:

– В гардеробе, с кардиналом!

– Угу. Успокойтесь! Мы обо всем позаботимся.

Я сказала *мы*? И вспомнила, что сегодня я тут совсем одна.

Сморщенная грудь Айты Нунен напряженно вздымалась и опадала, ее груди казались двумя иссохшими плодами, гниющими на чахлых ветках под порывами ветра. Шесть вдохов за пятнадцать секунд. Умножив на четыре, я записала: «Частота дыхания: 24». Высоковато. «Незначительное западение грудной клетки при вдохе, ноздри раздуты».

Она поманила меня тонкими пожелтевшими пальцами, я склонилась над ней и ощутила тонкий аромат льняной припарки и еще неприятный запах – гнилой зуб? Я старалась дышать ртом, чтобы не чувствовать вони.

Она поведала мне:

– У меня ребенок.

Я точно не знала возраст ее самого младшего, кое-кто из этих несчастных женщин умудрялся рожать дважды в год.

– У вас дома малыш? – спросила я.

Но Айта Нунен кивнула вниз: украдкой, не дотрагиваясь до обтягивающей живот пропотевшей ночной рубашки и даже не глядя туда.

– А, ну как же, еще один на подходе, – согласилась я, – но ему еще не скоро.

У нее запали глаза; она страдала обезвоживанием? Я поставила чайник, чтобы приготовить ей мясного бульона. В этой теснотище у нас была только пара спиртовок для готовки, и на одной всегда пыхтел чайник с бульоном, а на другой – широкая кастрюля, в которой мы стерилизовали инструменты: в отсутствие автоклава мы старались их получше прокипятить. Я разбавила бульон холодной кипяченой водой из кувшина, чтобы Айта Нунен не обожглась, передала ей чашку с крышкой и удостоверилась, что, даже в бреду, она не забыла, как пить из крошечного отверстия в крышке.

Сильно встряхнув термометр, я вернула ртуть обратно в стеклянную колбочку внизу. Потом поставила в стакан с карболкой, поболтала там, вытерла насухо и сунула себе в нагрудный кармашек.

Делия Гарретт отшвырнула журнал и злобно откашлялась в наманикюренные пальцы.

– Хочу домой к моим дочуркам!

Я взяла ее пухлое запястье и стала измерять пульс, разглядывая ее семейный портрет в серебряной рамке на тумбочке около кровати (вообще-то личные вещи пациенток из гигиенических соображений разрешалось держать только в ящике тумбочки, но мы смотрели на этот запрет сквозь пальцы).

– А кто за ними присматривает, когда ваш муж на работе?

Она всхлипнула, но сдержалась.

– Наша пожилая соседка, но она им не нравится, и я их понимаю.

Пульс вполне нормальный, хотя в ритме небольшие сбои. Термометр мне был не нужен, потому что температура ее кожи ничем не отличалась от моей. Но что меня беспокоило, так это ее давление. «Пульсовое давление: скачкообразное», – записала я. Трудно было сказать, какое давление соответствовало ее нервозному состоянию.

– Можно считать, вам повезло, миссис Гарретт, что у вас такая легкая форма. Я тоже переболела в легкой форме, еще в сентябре.

Я пыталась ее отвлечь, потому что мы никогда не ставили пациенток в известность, что незаметно измеряем частоту дыхания, иначе они начинали дышать учащенно. Записала в историю: «Частота дыхания: 20».

– Как вас зовут? – Делия Гарретт чуть прищурила красивые глаза. – Каким именем вас крестили?

Больничные правила не позволяли нам делиться с пациентками личными сведениями. Сестра Финниган учила нас поддерживать авторитет, держась от больных на дистанции. «Если будете фамильярничать с пациентками, они станут вас меньше уважать».

Но времена нынче были странные, и это была *моя* палата, следовательно, если уж мне доверили быть сегодня здесь за главную, я могла вести себя по-своему. Хотя у меня совсем не возникало ощущения, что я тут главная, а так, скорее отбывала дежурство час за часом.

Я почти неосознанно ответила:

– Вообще-то Джулия.

И удостоилась редкой улыбки Делии Гарретт.

– Мне нравится это имя. Значит, вас загнали в эту кладовку, Джулия Пауэр, заставив разрываться между умирающей и малахольной?

Тут я невольно прониклась теплыми чувствами к богатой протестантке, несмотря на всю ее вздорность. И покачала головой:

– Когда я болела, за мной дома ухаживали... Между прочим, мой брат. Но когда вы в положении, этот грипп может привести... к осложнениям.

Мне не хотелось ее пугать списком этих осложнений: выкидыш, преждевременные роды, мертвый плод и даже смерть роженицы.

– У вас сегодня голова не болит?

– Легкая пульсирующая боль, – мрачно заметила она.

– Где?

Делия Гарретт оторвала руки от груди и взмахнула ими вверх, к ушам, словно отгоняла мух.

– Не замечаете расстройства зрения?

Делия Гарретт шумно выдохнула.

– Да на что тут смотреть?

Я кивнула на ее журнал.

– Читать скучно, мне нравится рассматривать фотографии.

В душе она все-таки была еще молоденькая девушка.

– Ребенок не доставляет вам неудобств? Я имею в виду: он толкается?

Она помотала головой и, желая что-то сказать, закашлялась.

– Нет, только кашель. И все болит!

– Возможно, сегодня придет еще одна записка от мистера Гарретта.

Ее симпатичное лицо омрачилось.

– Какой смысл запрещать посещения членам семьи, когда уже весь город охвачен гриппом?

Я пожала плечами:

– Таковы правила больницы.

Хотя, думаю, дело было не в желании держать пациенток на карантине, а в попытке избавить наш оскудевший персонал от лишних хлопот.

– Но если вы сегодня за старшую медсестру, в вашей власти дать мне микстуру от кашля и отпустить меня домой, особенно если роды у меня будут не раньше Рождества!

В отличие от неимущих пациенток, Делия Гарретт точно знала, когда ей придет срок рожать: семейный врач подтвердил ее беременность еще в апреле.

– Простите, миссис Гарретт, но выписать вас может только врач.

Она недовольно поджала губы.

Может быть, стоит перечислить ей все существующие риски? Но это не пойдет ей на пользу, с ее-то повышенным дав-

лением, она и так нервничает из-за непонятного ей заточения, да еще может встревожиться, узнав, что есть серьезные причины ее тут держать...

– Послушайте, взвинчивая себя, вы только причиняете себе вред. Это вредно и для вас, и для ребенка. Ваше пульсовое давление...

Но как объяснишь опасность повышенного давления светской даме с обычным домашним образованием?

– ...то есть сила, с которой кровь бежит по сосудам, существенно выше нормы.

Она выпятила нижнюю губу.

– Разве сильный ток крови – это плохо?

– Ну, это все равно что открыть водопроводный кран на полную мощность.

Семейство Гарретт, вероятно, имело доступ к горячей воде днем и ночью, в то время как большинство моих пациентов вынуждены были носить малышей через три или четыре лестничных пролета к колонке с холодной водой во дворе.

– О! – Она наконец поняла и затихла.

– Так что для вас же будет лучше сохранять спокойствие и присутствие духа – и вы скорее вернетесь домой.

Делия Гарретт упала на подушки.

– Хорошо?

– А когда я могу получить завтрак? Я уже несколько часов как проснулась и очень *слаба*.

Аппетит – чудесный знак.

– На кухне недостает персонала, но уверена, что тележка с едой появится очень скоро. А пока... вам не надо в туалет?

Она отрицательно помотала головой.

– Сестра Люк мне уже приносила судно.

Я посмотрела в ее медкарте, когда у нее был стул. Сегодня еще ни разу. Инфлюэнца частенько останавливает процесс пищеварения. Я достала из шкафчика бутылку касторового масла и налила столовую ложку.

– Это для регуляции.

Делия Гарретт скривилась от неприятного вкуса масла, но проглотила.

Я повернулась к другой кровати.

– Миссис Нунен?

Бредившая женщина даже не открыла глаза.

– Вы хотите в туалет?

Айта Нунен не сопротивлялась, когда я откинула влажное одеяло и подняла ее из постели. Вцепившись в мою руку, она проковыляла через дверь в коридор.

Головокружение? Вкупе с красным лицом это могло быть признаком обезвоживания. Я напомнила себе проверить, сколько она выпила мясного бульона.

Когда Айта Нунен сильно навалилась на меня, у меня заболел бок. Любая медсестра, которая стала бы уверять, будто после нескольких лет работы у нее нет болей в спине, – лгунья, с другой стороны, медсестра, которая стала бы во всеуслышание жаловаться по этому поводу, вряд ли сохранила

бы место.

Усадив пациентку на стульчак, я вышла из кабинки и немного подождала. Сейчас, когда она в полузабытьи, подумала я, в состоянии ли ее тело вспомнить, что надо делать?

Странное это занятие – работа медсестры. Для пациентов мы совершенно незнакомые люди, но по необходимости они доверяют нам самые интимные стороны жизни. После чего мы вряд ли снова увидимся.

До моего слуха донесся легкий треск рвущейся газетной бумаги и мягкое шуршание, когда Айта Нунен подтерлась.

Я вошла к ней.

– Ну, вот и все.

Я одернула на ней рубашку, прикрыв голубые ручейки вен на ее распухшей ноге (облаченной в эластичный чулок) и на другой, тощей ноге в обычном черном чулке.

Я помыла ей руки над раковиной: взгляд, отраженный в зеркале, казался помутневшим.

– Идите сюда, пока я не скажу, – хрипло выпалила она.

– Что?

– Этот мерзавец удумал какую-то гадость.

О чем, интересно, она думает?

Вернувшись в тесную палату, я уложила Айту Нунен в кровать, натянув оба одеяла до подбородка. Потом обернула ее плечи платком, но она его сбросила. Поднесла к ее губам чашку с бульоном. Судя по тяжести, чашка была наполовину полна.

– Попейте, миссис Нунен, это вам полезно.

Она, хлюпая, попила.

На столике старшей медсестры (сегодня это был *мой* столик) едва уместились два подносика с завтраком. Я сверилась с талонами из кухни и дала Делии Гарретт ее завтрак.

Подняв алюминиевую крышку с тарелки, она издала жалобный вопль:

– Опять этот рисовый пудинг с печеным яблоком!

– Черную икру сегодня не завезли.

Она коротко улыбнулась.

– А это вам, миссис Нунен...

Если бы мне удалось уговорить больную хоть немного поесть, это придало бы ей сил. Вытянув ее ноги, распухшую (очень осторожно) и нормальную, я поставила подносик с едой на одеяло перед ней.

– Хотите вкусного чаю вместо мясного бульона?

Но чай в чашке уже остыл и был совсем невкусным: при дороговизне военного времени нашим поварам приходилось давать пациентам не чай, а жиденские опивки.

Айта Нунен нагнулась ко мне и доверительно сообщила возбужденным шепотом:

– Начальник уехал на заработки.

– Неужели?

Видимо, она имела в виду мистера Нунена, предположила я. Хотя странно называть начальником мужчину, который бродил с шарманкой по улицам, чтобы хоть как-то содержать

больную жену и семерых детишек. Бредовое состояние приносило ей даже какое-то облегчение, думала я, ведь можно было болтать все, что взбредет в голову!

Делия Гарретт перегнулась через край кровати, чтобы поправить сползшую тарелку Айты Нунен.

– Почему *мне* не дают жареного?

– Вам нельзя ни жирного, ни соленого из-за высокого давления, понимаете?

Она только фыркнула.

Я прижалась к койке Айты Нунен – между ее кроватью и соседней даже не было места, чтобы поставить стул, – и порезала одну из двух сосисок на мелкие кусочки. Что бы сказала сестра Финниган, увидев, как я злобно нарушаю заведенные ею правила? Сейчас она суетилась наверху, принимая новорожденных, и не могла мне дать совет по поводу тех тысяч мелочей, которые мне хотелось знать, но о которых я никогда у нее не спрашивала.

– Смотрите: это чудная яичница-болтунья, – солгала я.

И поддев вилкой желтоватую массу, явно приготовленную из яичного порошка, поднесла к губам Айты Нунен.

Та открыла рот. Когда же поняла, что я пытаюсь вложить вилку ей в руку, она повиновалась и, шумно хрипя, принялась жевать, делая паузы, чтобы перевести дыхание.

Мой взгляд невольно сместился на пустую кровать в центре. Над ней из стены торчал одинокий гвоздь, на котором, я помнила, раньше висела медицинская карта Эйлин Дивайн.

Я встала и пальцами выдернула гвоздь. Потом вытянула за цепочку часы из кармашка и взвесила на ладони теплый металлический диск. Отвернувшись от пациенток, чтобы те не видели, чем я занята, я острием гвоздя кривовато нацарапала на сверкающей крышке часов, рядом с другими пометками, похожую на полную луну окружность – в память о покойной Эйлин Дивайн.

Это вошло в привычку после того, как умерла моя первая пациентка. Помню себя тогда – с красными от бессонницы глазами, двадцати одного года, – мне хотелось каким-то образом, для себя, отметить это событие, после чего продолжать работу. Судьба любого новорожденного всегда была неопределенной, но мы в больнице гордились тем, что смертность рожениц у нас оставалась низкой, потому крошечных лун на обороте моих часов было немного. Большинство появилось прошлой осенью.

Я вставила гвоздь обратно. Требовалось вернуться к работе. В каждом отделении наступал момент покоя между периодами общей суеты, и медсестры ухитрялись воспользоваться этой редкой возможностью восстановить силы. Я положила мешок с резиновыми перчатками и щеточками для ногтей в кастрюлю с водой и поставила на огонь. Покуда они кипятились, подошла к противоположной стене и исследовала содержимое полупустого буфета, изображая из себя опытную специалистку, пусть и не чувствуя себя ею. Все эти годы от меня требовалось одно: не рассуждать и подчиняться ука-

занятиям старшей медсестры по отделению, поэтому сегодня мне было так странно сознавать, что рядом нет никого, кто отдавал бы мне указания. Это странное ощущение свободы приводило меня в восторг, но и немного пугало.

Я села за рабочий стол заполнять листки назначений. С начала войны никто заранее не знал, каких медикаментов не будет хватать, поэтому оставалось только вежливо просить отдел снабжения. Я не стала заказывать ватные тампоны и палочки, потому что они все равно пропали – временно. Некоторые вещи были уже заказаны несколько недель назад, о чем я узнала из списка сестры Финниган.

Закончив заполнять листки, я вспомнила, что отнести их в отдел снабжения некому, а покидать палату мне не позволено. Я мысленно посетовала и сунула бумажки в нагрудный кармашек.

Айта Нунен с прилипшим к подбородку ошметком яичной массы лежала, уставившись в стену. Порезанная сосиска на ее тарелке так и осталась нетронутой, но зато целая исчезла. Может быть, это Делия Гарретт, опершись о пустую койку, перегнулась и стащила сосиску?

Пряча от меня глаза, молодая женщина лукаво улыбалась.

Ладно, от одной жалкой сосиски – уж не знаю, из чего их сейчас делали, – она не умрет, да и Айта Нунен все равно ее не захотела.

Бредившая пациентка внезапно дернулась вбок, и ее поднос с грохотом упал между кроватью и шкафом. Чай из чаш-

ки разлился по всему полу.

– Миссис Нунен! – воскликнула я и, переступив через разбросанную посуду, изучила сияющее пятно румянца на багровой щеке. Я буквально почувствовала, как ее лицо пышет жаром. В моей руке уже был наготове термометр.

– Зажмите его под мышкой, пожалуйста!

Но она не отреагировала, и я, подняв ее руку, сама вставила термометр под мышку.

Во время ожидания я считала хриплые вдохи-выдохи Айты Нунен и одновременно измеряла ей пульс. Ничего не изменилось. Но ртутный столбик подскочил до $40,1^{\circ}$. Жар мог убить инфекцию, но мне не понравился вид больной: из-под редких волос на лбу выступила сильная испарина.

Я обошла валявшиеся на полу поднос и тарелку, чтобы достать из кухонного шкафчика лед. Единственный оставшийся кубик плавал в луже талой воды. Поэтому я налила в миску холодной воды и, прихватив ворох чистых льняных салфеток, принесла к ее кровати. Смачивая одну за другой салфетки в воде и предварительно выжимая, я обложила ими ее шею и лоб.

Айта Нунен поежилась от холода, но улыбнулась, бессознательно выразив благодарность – скорее незримому благодетелю, чем лично мне. Как же мне хотелось, чтобы разум этой женщины вдруг прояснился, и она сказала бы, что ей нужно! Сбить температуру помог бы аспирин, но назначения имел право делать только врач; сегодня единственным де-

журным врачом-акушером был доктор Прендергаст, но когда еще я его увижу?

Сделав для Айты Нунен все, что в моих силах, я нагнулась поднять с пола поднос и тарелку. У чашки отбилась ручка, разломившись пополам. Я вытерла шваброй чайную лужу, пока никто на нее не наступил.

– А разве вы не можете позвать кого-то на помощь? – спросила Делия Гарретт.

– Ах, все сейчас ужасно заняты.

Строго говоря, подтирать лужи на полу в отсутствие санитарки-уборщицы, младшей медсестры или практикантки должны были санитары, но я решила не связываться. Если вызывать этих молодцов из-за пролитого чая, они обидятся и в следующий раз пропустят мимо ушей более серьезную просьбу, например когда пациентка будет истекать кровью.

Судя по выражению раскрасневшегося лица Айты Нунен, ее обуревали беспокойные мысли.

– Чудесный денек, чтобы поплавать в канале!

Ей почудилось, что она плавает? Интуиция подсказала мне сунуть руку под одеяло и проверить...

Она напрудила в постель. Я подавила горестный вздох. Должно быть, когда я водила ее в туалет, она даже не помочилась. Теперь надо было перестилать постель, этим обычно занимались две санитарки, да и пациентка всегда оказывала посильную помощь, но я сегодня дежурила одна, а от Айты Нунен можно было ожидать чего угодно.

– Я взяла себе напрокат машину, да ее сбросили с балкона...

Теперь она бредила о какой-то давнишней или выдуманной неприятности.

– Давайте, миссис Нунен, встаньте на минутку с постели, я поменяю вам мокрую одежду и простыни.

– Разломали мои святые дары, сволочи!

– Мне нужно в туалет, – объявила Делия Гарретт.

– Вы не могли бы подождать минутку...

– Не могу!

Как раз в этот момент я снимала с матраса мокрую простыню.

– Хотите, я дам вам судно.

Она высунула из-под одеяла голую ступню и отрезала:

– Нет, я сама схожу.

– Боюсь, это запрещено.

Делия Гарретт зашлась оглушительным кашлем.

– Я вполне в состоянии найти дорогу, мне все равно нужно размять ноги. Они затекли оттого, что я лежу в постели бревном.

– Я отведу вас, миссис Гарретт. Дайте мне секунду.

– Да я сейчас просто лопну!

Я не могла заблокировать дверь или погнаться за ней по коридору.

И сказала строго:

– Прошу вас, оставайтесь в палате!

Оставив Айту Нунен и ее мокрую постель, я выскочила в коридор. На первой двери висела табличка «Инфекционное женское».

Внутри было тихо.

– Прощу прощения, сестра... Бенедикт?

Или ее звали сестра Бенджамин? Монахиня миниатюрного росточка, в жизни меньше не встречала. Подняв голову от рабочего стола, она строго взглянула на меня.

– Я сегодня дежурю по родильному/инфекционному, – сообщила я.

Мой голос прозвучал на повышенных тонах, в нем угадывалась скорее спешивость, нежели озабоченность. Я ткнула большим пальцем за спину, как бы подразумевая, что она еще не в курсе, где находится наша маленькая палата-временка. Для начала мне следовало самой представиться, но я уже упустила удобный момент.

– Сестра, вы не могли бы одолжить мне сиделку или практикантку?

– А много у вас пациентов в родильном/инфекционном?
Я почувствовала, как мое лицо вспыхнуло.

– В настоящий момент всего две, но...

Дежурная медсестра перебила меня:

– А у нас здесь сорок...

Я оглянулась, считая про себя. Под ее началом было пять сиделок.

– Тогда не могли бы вы передать... (Только не главной)

медсестре, напомнила я себе. В этот суматошный день главная медсестра сама могла лежать на одной из этих коек; я внимательно оглядела ряды кроватей. По правде говоря, я была не уверена, что узнаю ее без формы)... Не могли бы вы передать кому-то, кто подменяет главную медсестру, что мне срочно нужна помощь.

– Я не сомневаюсь, что наше руководство в курсе, – ответила сестра Бенедикт. – Просто всем нужно немножечко поднапрячься и выполнять свою работу.

Я закусила губу.

Монахиня, словно любопытная птичка, склонила голову набок, как будто запоминая, какую именно я допустила оплошность, чтобы потом обо всем доложить сестре Финниган.

– Как я всегда говорю, медсестра – она как чайный лист...

Я ничего на это не ответила, иначе мой голос прозвучал бы как звериный рык.

И финальная реплика – с легкой улыбкой:

– ...ее крепость проявляется, только когда она попадает в кипяток.

Я заставила себя кивнуть в знак согласия с этой житейской мудростью, чтобы сестра Бенедикт не написала на меня рапорт, обвинив в нарушении субординации.

Я вышла и бесшумно затворила за собой дверь. Но потом, вспомнив о лежавших у меня в нагрудном кармашке назначениях, была вынуждена вернуться.

– Сестра, можно мне оставить у вас заявки для отдела снабжения?

– Конечно!

Я судорожно достала мятые бумажки и положила их на стол.

В свою крошечную палату я возвращалась почти бегом.

Айта Нунен все так же неподвижно лежала в пропитанной мочой кровати. Нужду молодой женщины я сочла более неотложной.

– Давайте сходим в туалет, миссис Гарретт.

Она фыркнула.

Я шла за ней следом. Как только мы оказались в коридоре, она перешла на рысь, прижав руку ко рту.

– Поскорее!

Но, преодолев половину коридора, она согнулась пополам – и ее вырвало.

Я сразу заметила в рвотной массе предательски торчащие кусочки сосиски.

Вынув из кармана фартука чистую тряпицу, я вытерла Делии Гарретт рот и очистила верх ее ночной рубашки.

– Все в порядке, дорогая! От этого проклятого гриппа случается расстройство пищеварения.

Теперь мне и впрямь понадобился санитар, чтобы убрать с пола следы рвоты... Но она схватилась за живот и опрометью бросилась к туалету. Я заторопилась за ней, шлепая резиновыми подошвами по мраморному полу.

Звуки из-за дверцы кабинки сообщили мне, что у нее еще и понос.

В ожидании Делии Гарретт я стояла, скрестив руки на груди, и тут мое внимание привлек плакат, на котором еще не высохла типографская краска, вернее, слово «кишечник».

РЕГУЛЯРНО ОСВОБОЖДАЙТЕ КИШЕЧНИК
ПОДДЕРЖИВАЙТЕ БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ
ЛЮДСКИХ РЕСУРСОВ
ИНФЕКЦИЯ ПОРАЖАЕТ ЛИШЬ СЛАБЕЙШИХ В
СТАДЕ
ЕШЬ ЛУК В ОБЕД – И БОЛЕЗНИ НЕТ!

Ну вот, приехали: анонимный мертвец на улице забрызгал кровью форму медсестры Кавана, а правительство не нашло ничего умнее, как прописывать лук на обед. А уж что касается *слабейших в стаде* – какая же это жестокая бессмыслица! Нынешний грипп не имел ничего общего с сезонной простудой, которая выкашивала самых старых и слабых (даже если простуда и приводила к пневмонии, то забирала жизни так аккуратно, что ее даже прозвали «подругой престарелых»). А новый грипп косил всех подряд, без разбора: и мужчин, и женщин в полном расцвете лет.

Теперь за дверцей кабинки стало тихо.

– Миссис Гарретт, позвольте я проверю стул, прежде чем вы спустите воду?

Если бы это был выкидыш, он бы сопровождался кровотечением.

– Что за гадости вы говорите!

Она дернула за цепочку, и вода с шумом потекла из бачка сверху.

Обратно в палату Делия Гарретт шла пошатываясь. Я надеялась встретить по пути санитаря и попросить его вытереть кляксу рвоты с мраморного пола, но ни один мне не попался. Я помогла ей обойти пятно, уверяя себя, что здоровье пациентки важнее грязного пола.

– Оботру вас в кровати губкой, дам новую рубашку, – проворчала я, – и вам сразу полегчает. Но сначала мне нужно проведать миссис Нунен.

Бредящая пациентка была вялая и не сопротивлялась; она позволила мне поднять ее с мокрой кровати, усадить на стоявший рядом стул и обтереть. Я надела на нее свежую ночную рубашку и тесемками покрепче привязала полы к ногам.

Делия Гарретт пожаловалась на озноб.

Я достала из шкафа сложенное одеяло и передала ей. Ай-ту Нунен я завернула в другое одеяло: мне нужно было перестелить постель.

– Фу! Оно же воняет!

– Значит, оно безопасно, миссис Гарретт. Эти одеяла развешивают в пустой палате и жгут фосфор в ведре, чтобы фосфорный газ убил все бактерии.

– Как наших бедняг-солдат в окопах, – пробурчала она.

Эта капризная женщина не уставала меня удивлять.

Слава богу, Тим не попал под газовые атаки. Пару раз

у него был солнечный удар в Турции, один раз подхватил окопную лихорадку, но ему удалось ее побороть, хотя многие солдаты так и не избавились от инфекции, и болезнь тлела у них внутри, чтобы в любой момент вспыхнуть вновь. В том и состояло ее коварство: физически мой брат ничуть не изменился по сравнению с тем, каким был до войны, когда он работал в галантерейной компании (сейчас она закрылась), и, когда выпадал свободный часок, ходил кататься на роликах со своим другом Лиамом Кэффри.

Дверь распахнулась, и я от неожиданности вздрогнула.

Доктор Прендергаст, в своем костюме-тройке, наконец-то устроил обход. Я была рада его видеть, вот только момент для визита он выбрал крайне неудачный. Только бы он не стал спрашивать, отчего обе мои пациентки сидят, завернутые в одеяла, на стульях. И что это в коридоре испачкало его начищенные башмаки – уж не рвота ли Делии Гарретт? Если сестра Финниган узнает, какая разруха началась в палате в первый же день моего назначения, она в жизни мне больше не доверит эту обязанность.

Но Прендергаст сосредоточенно возился с тесемками маски, закладывая ее за свои большие уши. Для мужчины его возраста у него была еще на удивление густая шевелюра, напоминавшая огромный клоч ваты.

– Доктор, вам известно, что мы потеряли миссис Дивайн прошлой ночью?

– Я выписал свидетельство о смерти, медсестра, – произ-

нес он усталым голосом.

Значит, он дежурил еще со вчерашнего утра. Он взялся обеими руками за висевший у него на шее стетоскоп, как пассажир мотающегося из стороны в сторону трамвая вцепляется в поручень над головой.

– Эта болезнь необычайно коварна, – пробурчал он. – Сколько уже раз я убеждал чьих-то родственников перестать волноваться, потому что больной по всем признакам пошел на поправку, но затем вдруг...

Я кивнула. Медсестрам насторого запрещали отнимать у врачей даже минутку их времени, а мы стояли и обсуждали умершую пациентку... Поэтому я сняла со стены медкарту Айты Нунен и передала ему.

– Миссис Нунен на двадцать девятой неделе, доктор. У нее бред уже двое суток, температура поднималась до сорока пяти и пяти.

Тут я увидела, что край ее одеяла свесился на пол. Я украдкой подняла его и подоткнула под нее. Только бы он не заметил, что она обмочилась.

Доктор Прендергаст зевнул, прикрыв рот ладонью.

– Я вижу легкую синюшность. Как ее дыхание?

– Не затруднено. Может быть, давать ей аспирин?

Медсестрам не полагалось высказывать свои суждения относительно назначения медикаментов, но врач был настолько утомлен, что я надеялась его убедить.

Доктор Прендергаст вздохнул.

– Большие дозы аспирина у некоторых пациентов вызывают отравление, так что попробуйте дать ей виски – сколько она сможет принять.

– Виски? – переспросила я, смутившись. – Чтобы сбить жар?

Он покачал головой.

– Чтобы унять боль и тревогу и стимулировать сон.

Я записала это назначение в медкарте – на тот случай, если потом кто-то поинтересуется.

– А как самочувствие миссис...

Его взгляд затуманился.

– ...Гарретт, – напомнила я ему, передавая ему ее медкарту. – Недавно ее вырвало, у нее была диарея, и, похоже, ее пульсовое давление... э-э... довольно высокое.

Я постаралась сформулировать это в достаточно мягкой форме, потому что многоопытный врач мог возмутиться, что какая-то акушерка осмелилась определить давление пациентки одними пальцами, для чего он сам использовал современный научный прибор.

Прендергаст на секунду задумался: сейчас, испугалась я, он скажет мне, что у него нет времени измерять ей давление. Но нет, он достал из саквояжа сфигмоманометр.

Я быстро просунула розовую руку Делии Гарретт в манжету прибора, туго закрепила над локтем застежкой, и он стал накачивать воздух грушей. Это было не сложнее, чем перевязать руку веревкой. По-моему, любую медсестру мож-

но было обучить пользоваться такой штукой, если бы врачи не относились к своим привилегиям столь ревностно.

– О! – встрепенулась молодая аристократка.

– Еще минутку потерпите, – попросила я.

Она раздраженно кашлянула.

Доктор вставил себе в уши желтые наконечники стетоскопа, прижал плоский диск к сгибу ее руки ниже локтя, потом стал медленно выпускать воздух из груши и слушать.

Через минуту он надиктовал мне:

– Систолическое артериальное давление – сто сорок два, – и добавил после паузы: – Диастолическое – девяносто один, сестра.

Я послушно вписала в медкарту: «Диастолическое артериальное давление – 91».

На Прендергаста эти показания, похоже, не произвели особого впечатления.

– Учащенный пульс характерен для последних месяцев беременности, – пробурчал он, пока я складывала его прибор в саквояж. – Если она будет вести себя слишком беспокойно, дайте ей бром.

Он разве не слышал, что я ему сказала: ее вырвало! И седативное средство вроде брома было тяжелым испытанием для желудка. Я бы не стала его давать Делии Гарретт...

Но меня научили никогда не перечить врачу; у нас считалось, что, если нарушить субординацию, в больнице тотчас воцарится хаос.

Прендергаст потер глаза.

– Я отправляюсь домой.

– Кто из акушеров в ваше отсутствие... – начала я.

– В женских отделениях будет помогать частнопрактикующий терапевт...

– Врач общего профиля? – уточнила я разочарованно. То есть не тот, кто нам нужен. – Он уже в больнице?

Прендергаст покачал головой.

– Только едет к нам. Кстати, доктор Линн – дама.

Мне показалось, я расслышала в его голосе легкое презрение. В наши дни врачей-женщин можно было счесть по пальцам, и я еще ни разу не работала под их началом. Но мне хотелось знать, к кому следует обращаться за помощью моим пациенткам, пока ему на замену не прибыла врач-терапевт.

Делия Гарретт вскочила.

– Вы можете снять с меня эту грязную тряпку?

– Да, как только дам миссис Нунен лекарство, а вы уж не стойте, пожалуйста, на ногах!

Она обиженно закашлялась и опустилась на стул.

Я налила в чашку-поильник виски с горячей водой и добавила немного сахара для вкуса. Сделав первый глоток, она тут же залпом высосала все до дна. После этого я пошла к шкафу с постельными принадлежностями за чистой ночной рубашкой для Делии Гарретт.

Переодевая ее, я обратила внимание на растяжки на животе – похожие на белых червячков следы прошлых двух бе-

ременностей и нынешней.

Мне еще не приходилось ощущать материнский инстинкт, который, как уверяли меня взрослые женщины, рано или поздно во мне проснется. Я решила заняться акушерством, потому что меня привлекал связанный с этой профессией драматизм, но никогда не представляла себя главным действующим лицом этого таинства вызревания плода, лишь внимательным соглядатаем.

Мне завтра *тридцать*! Сигнал, что моя пора расцвета позади. Но тридцать вовсе не значит, что я старуха. Кто скажет, что мне уже поздно выходить замуж и «рожать» детей? Возможно, если взвешивать все «за» и «против», это менее вероятно, даже маловероятно, если учесть, сколько мужчин погибло на фронте, упав ничком на траву в далекой стране, или вообще невероятно, при том что мало кто из фронтовиков сможет вернуться на наш маленький остров.

Я надела на Делию Гарретт новую ночную рубашку и завязала боковые тесемки, потом уложила ее обратно в кровать и плотно завернула в одеяло, чтобы она не мерзла под осенним ветром, влетавшем в высокое оконце.

Я сняла с матраса насквозь промокшую простыню Айты Нунен. На мое счастье, прорезиненная пеленка под нижней простыней впитала почти всю мочу, так что верхняя простыня и наматрасник остались сухими.

Одного я не могла до конца понять: хочу я замуж или нет. Были у меня варианты, и немало: милые молодые люди. И я

не могла укорять себя за то, что капризно отвергла все возможности – я просто ими не воспользовалась.

– Это вы – медсестра Пауэр?

Я резко развернулась и увидела в дверях молоденькую девушку в обычной одежде. Медно-рыжие волосы, покрытые маслом и зачесанные назад, с выбивавшимися на затылке кудряшками.

– А вы кто?

– Брайди Суини.

Без должности, значит, она даже не практикантка. Масса девушек во время войны проходила ускоренный курс основ медицинской помощи, и ничего удивительного, что они в этом деле мало смыслили.

– И кто же вы, мисс Суини, – поинтересовалась Делия Гарретт, – сиделка-волонтерка?

Незнакомка усмехнулась.

– Никакая я не сиделка!

Делия Гарретт закатила глаза и вернулась к своему журналу.

Брайди Суини снова обратилась ко мне:

– Меня прислала сестра Люк вам в помощь.

Ага, значит, монахиня не смогла найти для меня никого получше, кроме девушки, неподготовленной, необразованной, судя поговору, с невинным взглядом только что вылупившегося цыпленка, словно с ней в жизни еще ничего не случилось. Я чуть не дала Брайди Суини затрещину – так я

была разочарована.

У больницы не осталось средств даже для найма младшего медицинского персонала.

– Надеюсь, она предупредила, что ваша работа не будет оплачена?

– Я и не ожидала, что мне заплатят.

У рыжей Брайди Суини были бледная кожа, голубые глаза и едва заметные бровки. Ее прозрачные ушки напоминали детские: левое чуть-чуть выпячивалось, словно она старалась уловить каждое сказанное ей слово. Тонкое пальтишко, стоптанные туфли – не будь сейчас в больнице критическая ситуация, главная медсестра выгнала бы ее не раздумывая.

– Что ж, мне необходим курьер, и я рада, что вы здесь, – учтиво произнесла я и представила пациенток: – Это миссис Гарретт, а это миссис Нунен.

– Добрый день, дамы! – сказала Брайди Суини с коротким поклоном.

Я достала из шкафа фартук. Девушка была худая и без пальто показалась мне совсем заморышем: ей пришлось дважды обернуть тесемки фартука вокруг талии и только потом завязать.

– Я никогда не была в больнице, – заметила она и с нескрываемым любопытством принялась разглядывать Айту Нунен, которая покачивалась на стуле возле своей кровати и что-то напевала себе под нос.

– Кстати, мисс Суини, я полагаю, у вас есть иммунитет?

Она, похоже, не поняла этого слова.

– К инфлюэнце, к гриппу. Раз уж вы пришли в инфекционное отделение без маски...

– А, да, был у меня грипп.

– Но я имела в виду грипп этого года, который особенно опасен, – уточнила я.

– Переболела им давным-давно. Так что мне надо делать, медсестра Пауэр?

Какое облегчение – наконец-то хоть кто-то задал мне этот вопрос.

– Давайте начнем с кровати миссис Нунен, ее надо перестелить.

Мне надо было удостовериться, что оба матраса лежат ровно: пружинный матрас в холщовом наматраснике на деревянной раме и волосяной в хлопчатобумажном чехле; красновато-коричневый водонепроницаемый прорезиненный коврик должен быть туго натянут, как и нижнее одеяло и нижняя простыня поверх него.

Дыша парами виски, Айта Нунен попыталась вскарабкаться на кровать.

– Еще минутку. – Я вежливо преградила ей путь рукой.

Из шкафа с постельными принадлежностями я вытащила свежую пеленку, верхнюю и нижнюю простыни и два одеяла.

– Когда мы стелем простыни и одеяла, расправляем все очень тщательно, чтобы складки не врезались в кожу миссис Нунен, ясно?

Брайди Суини кивнула.

Я помогла Айте Нунен улечься в кровать, и она, глубоко вздохнув, выкрикнула:

– Какая чушь!

Новенькая спросила:

– Что вы говорите?

Я покачала головой.

Лицо девушки застыло в испуге.

– Простите, мне нельзя с ними говорить?

Я улыбнулась.

– Просто хотела вас предупредить, чтобы вы не обращали внимания на странные восклицания миссис Нунен. – И я постучала пальцем по голове. – От высокой температуры у них, бывает, мутится рассудок.

Я обернула плечи пациентки платком и подложила другой платок ей под затылок.

Айта Нунен замахала чашкой-поильником.

– Ну что за увальни! Разбили мой фарфор вдребезги!

– Какая жалость! – с этими словами Брайди Суини поправила ее подушки.

Эта девушка – прирожденная сиделка, сделала я вывод. Такому не научишься в училище.

Я скомкала грязное белье и, сунув ворох в корзину, указала пальцем в сторону коридора.

– Это все нужно отнести к дверце, на которой висит табличка «Прачечная», а не «Мусоросжигательная».

Брайди Суини подхватила корзину и умчалась.

Делия Гарретт спросила:

– Она что, прямо с улицы к нам попала?

– Вообще-то, по рекомендации сестры Люк...

Смешок.

– У нас сейчас такая нехватка персонала, что я с радостью приму любую помощь, которая позволит мне уделять пациентам больше внимания.

– А я и не говорю, что вам не надо ее принимать, – буркнула она в журнал.

Когда Брайди Суини вернулась, я объяснила ей назначение марлевых изделий в жестяных банках (квадраты – для компрессов, тампоны – для обработки ран и бинты – для перевязки), тампонов из льняной пакли, одноразовых салфеток, суровых ниток для перетягивания кровеносных сосудов и хирургических ниток, так называемых кошачьих кишок.

– Что, их правда делают из кишок кошек?

– На самом деле из овечьих. По правде сказать, я не знаю, почему эти нитки так называются, – призналась я.

Она обвела взглядом нашу палату.

– Значит, эти дамы находятся здесь, чтобы вы вылечили их от гриппа?

Я тихо вздохнула.

– Хотела бы я знать, как их вылечить. От этого нет лекарства. Болезнь должна протекать естественным образом.

– И как долго?

– Несколько дней или недель (я вспомнила о тех беднягах, кого болезнь без предупреждения убила на улице или дома), или может тянуться месяцами. Если уж совсем начистоту, это дело случая. Мы только и можем что держать их в тепле и покое, кормить и поить, чтобы они поднакопили сил и смогли побороть инфлюэнцу.

Моя молодая помощница явно была воодушевлена. Она спросила тихо:

– А почему миссис Нунен такого цвета?

А, вот это просто – тут я могла ее чему-то научить. И стала объяснять:

– У них темнеет лицо, если в кровь не попадает достаточно кислорода. Это называется синюшность, потому что кожа приобретает синий оттенок.

– Да у нее не синяя, а скорее багровая.

– Все начинается с легкого покраснения кожи, которое можно ошибочно принять за здоровый румянец. Если пациентке становится хуже, ее кожа делается темно-красной, почти коричневой (тут я подумала о багровых осенних листьях). В более тяжелых случаях коричневатый цвет может смениться лавандовым, и такими становятся губы. Если пациентке не хватает воздуха, ее щеки, и уши и даже кончики пальцев могут посинеть.

– Какой ужас!

Я повернулась к Делии Гарретт и успокоила ее:

– Не волнуйтесь, у вас нет никакой синюшности.

– То есть кожа буквально становится синей? – уточнила Брайди Суини.

Я покачала головой.

– Я видела, как кожа лица темнеет, становясь фиолетовой, багровой, а потом даже черной.

(У найденного утром медсестрой Кавана на улице анонимного мертвеца, когда она к нему подбежала, лицо уже посерело).

– Это прямо как тайный шифр! – произнесла восторженно Брайди Суини. – Красный – коричневый – синий – черный.

– Когда я училась на курсах, у нас были... (интересно, она знает слово «мнемонический» или «аллитерационный»?) особые ухищрения, с помощью которых мы запомнили медицинские факты.

– Какие?

– Ну... например, четыре буквы «т» обозначают причины постнатального кровотечения, кровотечения после родов, – это ткани, тонус, травма и тромбоцитопения⁸.

– Вы так много знаете! – восхищенно пробормотала девушка.

Я повела ее знакомить с содержимым полок и шкафов.

– Если я отдам вам бывший в употреблении металлический инструмент, вам следует в обязательном порядке его простерилизовать, мисс Суини. Опустите его с помощью щипцов в эту кастрюльку и кипятите десять минут строго по

---

⁸ Пониженный уровень тромбоцитов в крови.

часам.

– Прошу прощения, у меня нет...

– Часы – вон там, на стене. Потом расстелите чистую салфетку – они лежат в той картонной коробке – и щипцами положите на нее прокипяченный инструмент. Если вы что-то не успели прокипятить, все можно продезинфицировать в этом тазике, куда налит сильный раствор карболовой кислоты.

– Поняла.

Но понимала ли Брайди Суини всю важность того, что я ей рассказывала?

– Когда все инструменты высохнут, перенесите их щипцами на стерильный поднос вот на этой полке – здесь все стерильное, то есть предельно чистое, готовое к использованию врачом. Никогда не дотрагивайтесь до них, пока я вас об этом не попрошу, вам ясно?

Она кивнула.

Делия Гарретт закашлялась, и ее кашель перешел в утробное уханье.

Я подошла к ней и измерила пульс.

– Как ваш желудок?

– Пожалуй, успокоился. Я думаю, что все из-за дурацкой касторки.

Но я очень сомневалась, что небольшая доза касторового масла могла вызвать одновременно понос и рвоту.

– Это просто смешно – держать меня взаперти из-за лег-

кого гриппа, – продолжала она. – Мои детки выпрыгивают всегда точно в срок, именно в ту неделю, когда мне положено, потом я провожу в постели полдня – без каких-либо осложнений! Почему эта девушка так на меня смотрит?

Брайди Суини торопливо прикрыла улыбку рукой.

– Я не знала, что вы...

Делия Гарретт гневно сверкнула глазами, положив руки на живот.

– Вы решили, что это жир?

– На нашей двери висит табличка «Родильное/инфекционное отделение», мисс Суини, – напомнила я.

– Прошу прощения, – пробормотала она. – Я не знала, что это значит.

– Так, теперь я покажу вам, как надо мыть руки.

Она развеселилась:

– Думаю, я умею!

– Вы когда-нибудь слышали о послеродовом сепсисе? – резко спросила я.

– Конечно.

– Сепсис может возникнуть у роженицы в любой момент после родов в течение трех дней, и раньше уровень смертности от такого сепсиса был ужасающий. И наше единственное современное противоядие – это дезинфекция, то есть противодействие попаданию микробов в организм пациенток. Вы должны понять, что тщательное мытье рук может спасти жизнь!

Брайди Суини ошеломленно кивнула.

– Закатайте рукава повыше, – распорядилась я, – чтобы их не намочить.

Она заколебалась. И когда заголила правую руку, я заметила след от сильного ожога. Поймав мой взгляд, она едва слышно пробубнила:

– Кастрюля с горячим супом.

– Наверное, больно было?

Брайди Суини коротко передернула плечами, точно обезьянка.

Мне хотелось надеяться, что она не неловкая, впрочем, девушка и не производила такого впечатления. У нее были красные руки, из чего я сделала вывод, что она привыкла к тяжелому физическому труду.

– Сначала мы наливаем в тазик кипяток из этого чайника, мисс Суини, а потом добавляем холодной воды из этого кувшина.

Она опустила руки в тазик.

– Чудная теплая вода!

– Теперь берите прокипяченную щеточку для ногтей и хорошенько потрите ею руки, особенно ногти и кожу вокруг.

Я смотрела, как она моет руки.

– Потом ополосните их чистой водой и смойте все мыло. И напоследок опустите их в тазик с третьей сменой воды... предварительно растворив в ней чашку карболовой кислоты.

Я наполнила чашку карболкой и добавила:

– Такой антисептик, как карболовая кислота, вообще-то представляет опасность...

– ...если ее проглотить или плеснуть себе в глаза, – кивнув, закончила она.

Но я поправила:

– Если рассчитывать только на нее, забыв о том, как важно тщательно мыть руки.

Брайди Суини кивнула, вытирая руки о фартук.

К нам никто еще не приходил забрать подносы и посуду после завтрака.

– Вы можете отнести все это на кухню?

– А где... – начала она.

– В подвале, это двумя этажами ниже.

В отсутствие юной помощницы я измерила температуру, пульс и частоту дыхания пациенток. Без изменений. В случае с Делией Гарретт это была обнадеживающая новость; а вот состояние Айты Нунен заставило меня слегка поволноваться. Виски, возможно, подействовал на нее благотворно, облегчив боли и затрудненное дыхание, но не сбил температуру.

Брайди Суини вернулась, и я ее поблагодарила.

– У меня теперь куда меньше забот, когда появилась помощница.

Она взглянула на красные распухшие костяшки пальцев и принялась их чесать.

– Кожное раздражение?

Смутившись, она кивнула.

– Чешется все время, просто с ума меня сводит.

Худенькие девушки почему-то частенько страдают от чесотки.

– Вот, – сказала я, – это должно унять зуд.

Я достала из шкафа баночку с мазью, но Брайди Суини даже не шевельнулась, чтобы ее взять; тогда я пальцем зачерпнула немного и хорошенько втерла в красные пятна. На тыльной стороне ее левой ладони виднелся багровый круг: лишай, признак нищеты, который встречался у многих моих пациенток. Но он уже не казался ярко-пунцовым, а значит, перестал быть заразным.

Брайди Суини тихо подхихикнула, словно ей стало щекотно. В воздухе пахло эвкалиптом. За исключением покрасневших пальцев ее кожа была белая, даже голубоватая.

– Зимой вам не стоит переохлаждать руки или мочить их. Когда выходите из дома, всегда надевайте теплые варежки.

– Я редко выхожу.

Делия Гарретт многозначительно кашлянула.

– Когда закончите чистить перышки, принесите мне чашку чаю. Умираю от жажды!

Я указала Брайди Суини на чайник, а сама сняла с полки банку с чаем и чашку.

– Пациентам можно давать чай без ограничения.

– Хорошо, – сказала она и обратилась к пациентке: – Вам с сахаром, миссис Гарретт?

– Две ложки. И с молоком. Хотя нет, это консервированное молоко – такая дрянь, сойдет и черный.

Я продолжала наставлять Брайди Суини:

– Если захотят, можно предлагать им крахмальное печенье.

Делия Гарретт была исключением; обычно роженицы из бедных семей поступали к нам, отощавшие до предела, просто кожа да кости, и мы в родильном отделении старались откармливать их перед родами.

Брайди Суини сама была худющая, но крепкая, жилистая, пища сквозь нее проходила, как брошенный в воду камень.

– Если хотите, мисс Суини, можете заодно и нам заварить чайку.

Я решила воспользоваться возможностью выбежать из палаты по своим надобностям. Но уже в дверях обернулась и заметила:

– Надеюсь, вам хватает ума знать, что вы ничего не знаете?

Брайди Суини вытаращила глаза, а потом коротко кивнула: этакий бутончик на стебельке.

– Меня учили, – пояснила я, – что хорошая медсестра всегда точно знает, когда следует позвать на подмогу доктора. Другими словами, хороший курьер всегда знает, когда следует звать на подмогу медсестру. Если этим дамам понадобится стакан воды, или еще одно одеяло, или чистый носовой платок, дайте им, но, если их что-то начнет беспокоить, сбегайте в туалет и позовите меня.

Она коротко, почти комично, отсалютовала мне.

– Я быстро: одна нога здесь, другая там. – И выбежала из палаты.

Что бы сказала сестра Финниган, узнав, что я оставила больных на эту неопытную девушку? Но я же и так делала все что могла. Как и мы все.

Итак, я оставила Брайди хозяйничать в палате, а сама выскочила в туалет.

После туалета мне отчаянно захотелось хоть одним глазком поглядеть на большой мир, я подошла к окну и уставилась на редких прохожих. Хотя дождь перестал, в воздухе веяло сыростью. Какая-то дама в длинной меховой шубе – странный был наряд, ведь еще даже ноябрь не настал – вышла из кеба, неся большой саквояж в одной руке и объемистый деревянный чемодан в другой, и торопливо зашагала к воротам больницы. На ходу она сбросила большой капюшон, под которым оказались старомодно завитые пряди. Ну, подумала я, привратник сейчас ей скажет, что посещения у нас запрещены.

Когда я вернулась в палату, Брайди Суини допивала свой чай, и в уголках ее рта виднелись крошки от печенья.

– Какая вкуснятина!

Не думаю, что она съехидничала. Я поднесла ко рту свою чашку и, отпив, почувствовала суховатый привкус сажи, собранной с какого-то пола.

– Все поломано-переломано, – пробормотала Айта Нунен.

Брайди Суини подошла и прошептала мне на ухо:

– Она случаем не выпивает?

– Нет, нет. Доктор Прендергаст назначил ей виски от гриппа.

Она кивнула и постучала пальцем себя по лбу.

– Может, она того?

Но я ее успокоила:

– У нее временное помутнение рассудка.

– То есть... ей станет лучше?

Тут я заметила, что мои пальцы скрестились сами собой – очень крепко. Глупое суеверие, знаю. Я прошептала в ответ:

– Эти мамочки на самом деле куда здоровее, чем выглядят. Когда у нее спадет жар, готова поспорить, что быстро переболеет и в январе разрешится своим двенадцатым...

– Двенадцатым?

Брайди Суини произнесла это слово с неподдельным ужасом, поэтому я не стала уточнять, что из ее детей выжило только семеро. Вместо этого я спросила:

– Вам известна поговорка «Если не родишь двенадцать детей, значит, мужа не любишь»?

Она скорчила гримасу:

– Какая мерзость!

Поморщившись, я отозвалась:

– И я так считаю. Но нам с вами за это памятник не поставят.

Брайди Суини коротко рассмеялась.

За окном сгустились тучи, снова пошел дождь, уныло забарабанив по приоткрытой фрамуге. Дождевые ручейки побежали по стеклу.

– Давайте закроем окно, пока нас не залило? – предложила Делия Гарретт.

– Простите миссис Гарретт, но свежий воздух необходим, особенно при респираторных заболеваниях.

Она спрятала лицо под подушку.

Я отрядила Брайди Суини собирать тряпкой дождевую воду с пола, пока лужа не добралась до кроватей. Потом отправила ее в складскую принести льда из электрического рефрижератора. Это такая большая машина, кубики льда образуются в отдельном морозильном отделении сверху.

– Если льда не окажется, поднимись этажом выше и спроси там.

Сама я измеряла больным температуру, пульс и частоту дыхания. Потом сменила им носовые платки и положила в другие позы: Айту Нунен привалила к подушкам в полусидячем положении, отчего, как мне показалось, ей стало чуть легче дышать.

Тем временем вернулась Брайди Суини с тазиком, полным льда, и я смогла оставить ее за главную, покуда сама водила женщин по отдельности в туалет.

Мне она казалась покладистой и надежной, чтобы доверить уход за пациентками, и я попросила ее показать, как она моет руки – Брайди Суини не пропустила ни единого этапа, –

после чего позволила ей протереть Айте Нунен лицо и шею губкой, смоченной в ледяной воде.

– И дайте мне знать, когда она допьет свою микстуру с виски, хорошо?

Делия Гарретт картинно покашляла.

– А можно и мне виски вместо этого ужасного чая?

Алкоголь, конечно, оказывал благотворное расслабляющее действие при беременности, но...

– Извините, только по назначению врача.

Правда, в настоящий момент ни одного врача у нас не было. Интересно, когда эта Линн соизволит сегодня появиться?

– Хотите горячего лимонаду, миссис Гарретт? Или ячменной воды?

– Фу!

В другом углу палаты Айта Нунен схватила руки Брайди Суини и сильно прижала их к своему животу.

Меня охватил ужас.

– Что такое, миссис Нунен?

Моей юной помощнице пришлось прижаться коленями к кровати, чтобы не упасть. Она смотрела на покрытый одеялом холм под своими ладонями. А Айта Нунен вцепилась в ее запястья и стонала, но скорее от ажитации, чем от боли.

На лице рыжей Брайди было написано изумление.

– Ребенок *двигается*! Он толкается внутри!

Делия Гарретт произнесла с неприкрытой иронией:

– Да уж пора бы ему!

А я сообщила Брайди Суини:

– Любой младенец в животе матери плавает и кувыркается.

– Он хочет оттуда вырваться? Как будто он живой!

Я нахмурилась. Уж не насмехается ли она надо мной?

– Разумеется, он живой, мисс Суини! – И тут же поправи-
лась: – Живой внутри своей матери, он же ее часть!

– А я считала, он оживает только после появления на свет!

Я опешила. Но какое, должно быть, это было чудо – ко-
гда Господь создал Адама из праха земного и вдунул в него
душу, и это произошло разом. Но мне не стоило удивлять-
ся, потому что некоторые наши пациентки поступали к нам
готовыми разродиться, но мало что смыслящими в природе
вещей.

Я сняла с полки фолиант «Акушерства» Джеллетта⁹, про-
линула его тонкие хрустящие страницы и продемонстриро-
вала Брайди Суини рисунок с подписью «Матка с доношен-
ным плодом».

Ее глаза расширились.

– Боже милостивый!

Я не сразу поняла, что она приняла схематичный рисунок
за изображение разрезанной пополам настоящей матки.

– Нет-нет, это рисунок-схема того, как выглядит матка,

---

⁹ Генри Джеллетт (1872–1948) – выдающийся ирландский акушер-гинеколог, автор множества трудов по акушерству для студентов-медиков и практикующих врачей.

если бы мы могли заглянуть внутрь. Видите, как скрючился младенец?

– И он вверх ногами!

Я улыбнулась.

– Ему так намного удобнее. Вы очень многое узнали только за первый день на работе, правда, мисс Суини?

– Он просто маленький акробат, – пробормотала она.

– И почти все время спит.

Тут в беседу встряла Делия Гарретт:

– Моя вторая была совсем не такая. Кларисса постоянно брыкалась, как мул, и ночью, и утром, и днем. Но эта девушка – тихоня. – И она с безрадостной нежностью погладила свой выпуклый живот.

– Или мальчуган?

Услышав предположение Брайди Суини, она помотала головой.

– Не люблю мальчиков. К тому же моя свекровь сразу определяет пол ребенка по тому, как я ношу. А покажите-ка мне эту картинку!

Когда я передала ей «Акушерство» Джеллетта, она, взглянув на рисунок, поморщилась, хотя и с нескрываемой гордостью.

– Да вы только посмотрите, как у нее все внутри скособочено! Неудивительно, что у меня желудок взбунтовался.

Я поставила книгу обратно на полку. Было уже почти одиннадцать – пришла пора менять компресс, который сест-

ра Люк положила Айте Нунен. Сперва я нагрела на спиртовке льняную настойку до такой густоты, чтобы в ней стояла ложка. Потом развязала боковые тесемки рубашки, сняла с груди пациентки марлевый тампон и отлепила старую затвердевшую корочку. Потом начисто обмыла ее покрасневшие ключичные кости ватными тампонами, смоченными в мыльной воде, покуда Брайди Суини стояла рядом и по моей просьбе передавала нужные принадлежности.

Айта Нунен бурчала, тяжело вздыхая:

– Идите ко мне, когда я скажу!

Я нагнулась к ней, ощущая смрад ее дыхания, и стала измерять пульс. Но больше она ничего не сказала. Пульс был довольно учащенный, но пульсовое давление снизилось. Лицо было осунувшимся и желтоватым.

Я налила льняную настойку на тампон, положила его на марлю и простерилизованную льняную салфетку. Положив припарку между ее тощих грудей, накрыла фланелевой повязкой. Концы повязки требовалось перекинуть ей за спину и завязать на слабых плечах. Между нами говоря, мы с Брайди Суини немного схалтурили. Я бы не пожалела времени на выполнение довольно-таки кропотливой работы, если бы искренне верила в реальную пользу припарок.

Айта Нунен тяжело, с присвистом дышала. Я дала ей ложку сиропа ипекакуаны, чтобы хоть немного снять заложенность дыхательных путей. Через минуту она выхаркнула темную мокроту. Я собрала ее в платок и отправила Брайди вы-

бросить его в мусоросжигательную печь.

Она долго отсутствовала, и когда вернулась, я спросила:

– Вы не заблудились? Я уж подумала, что вы упали в мусоропровод...

– Я задержалась в туалете, – призналась Брайди Суини. – Там такая шеколда, на которую можно закрыть дверь кабинки, и кран с горячей водой, и миленькие квадратики бумаги. Мне нравится у вас в больнице!

Я не выдержала и расхохоталась.

– Особенно запахи.

Интересно, какие: эвкалиптовая мазь, льняная настойка или карболка? Или виски? Для меня все эти ароматы не могли заглушить ни фекальную вонь, ни кровавый смрад рождения и смерти.

– Обычно у нас образцовый порядок. Но вы попали в момент, когда тут царит полная неразбериха. И пациентов вдвое больше обычного, и персонала вчетверо меньше.

Ее лицо просияло: наверное, потому что я и ее сочла частью нашего персонала.

Тут меня осенило: а ведь она по-своему красивая, с этим белым личиком и костистым телом, такая жемчужинка, сверкающая в мусорной куче. Интересно, где сестра Люк ее нашла?

– Вы живете где-то поблизости, мисс Суини?

– Прямо за углом.

Мне показалось или она в самом деле попыталась укло-

ниться от ответа? Живет с родителями, сделала я вывод, уж больно юной она выглядела.

– Можно узнать, сколько вам лет?

Она пожала плечами.

– Почти двадцать два.

Как же кокетливо она это выговорила: «почти».

– Я не просто из любопытства...

И следующий ее вопрос меня удивил:

– Может, будете называть меня Брайди?

– Конечно, если вы так хотите... хочешь.

Я не знала, что еще сказать, поэтому взглянула на свои часы.

– Скоро полдень, так что можешь сейчас пойти пообедать.

– У меня с собой нет, но я и не хочу.

– Нет-нет, нас тут кормят в столовой возле кухни.

Она все еще медлила.

– А вы?

– О, я еще не проголодалась.

Ей бы хорошо сменить городское платье и обувь, но на что?

– Можешь раскатать рукава обратно и привести в порядок волосы, прежде чем спуститься вниз.

Вспыхнув от смущения, Брайди нащупала выбившиеся кудряшки и убрала их от лица.

Я уже пожалела, что сделала ей замечание про волосы, как-никак, это же был всего лишь первый день ее работы в

больнице, и какая разница, насколько опрятно она выглядела?

А она безуспешно пыталась приладить резинку для волос.

– Тебе есть чем расчесаться? – спросила я.

Она помотала головой.

Порывшись в своей сумке, я нашла каучуковый гребень.

Брайди аккуратно расчесалась и вернула мне гребень.

– Спасибо, что одолжили мне.

– Оставь у себя!

– Ну что вы!

Вообще-то я предпочитала пользоваться другим гребнем: этот с виду походил на черепаховый, хотя на самом деле был сделан из целлулоида.

– О, не говори так много, Джулия! – пропел баритон из коридора. Гройн! – Ты в порядке, Майкл, ты здоров?

Что-то очень ты суров...

Делия Гарретт недовольно проговорила:

– Это тот неотесанный чурбан, который вчера меня сюда привел!

Санитар, толкнув дверь спиной, вошел в палату. Он напомнил мне зловещего слугу из «Франкенштейна»¹⁰.

Вместо приветствия я заметила:

– Всегда с песней на устах, Гройн!

Он театрально поклонился мне, затем развернулся лицом

---

¹⁰ Имеется в виду увечный слуга Франкенштейна Фриц, помогавший хозяину раскапывать могилы.

и вкатил в палату кресло-каталку с новой пациенткой.

Молодая женщина, я бы даже сказала девушка (если бы не ее заметный живот), с черными, как уголь, волосами и искаженным от страха и кашля личиком.

Еще один симпатичный член нашего избранного сестринства.

– В родильном сказали привезти ее сюда.

Я взглянула в медицинскую карту, которую мне передал Гройн. Сверху была лишь одна строка: «Мэри О’Рахилли, 17 лет, первая беременность».

О всех женщинах, рожавших у нас, мы знали все-все, даже если не могли сказать заранее, что произойдет во время родов. Первородящие же вроде Мэри О’Рахилли – совсем другое дело. Акушер приемного покоя даже не указал ожидаемую дату родов: наверное, у него было дел по горло.

– Миссис О’Рахилли, давайте я помогу вам встать с кресла.

Она встала сама без видимых усилий, но вся дрожала. Озноб, решила я, или нервы, или то и другое. Малорослая, худая, она казалась еще меньше из-за большого живота. Я жестом пригласила ее присесть на стул в изножье пустой кровати и сказала:

– Посидите тут, пока мы вас не переоденем.

Санитар схватил кресло и покатил к двери.

– Гройн, не слышали, когда мы сможем увидеть нового врача?

– А, даму-мятежницу?

Этого санитаря хлебом не корми, только дай посплетничать. У меня не было привычки интересоваться слухами, но на сей раз я не сдержалась и выжидательно подняла брови.

– Разве вы ничего про нее не слыхали? – спросил он.

– Намекаете на то, что она член «Шинн-Фейн»?¹¹

На гэльском языке «Шинн-Фейн» означало «мы сами». Они утверждали, что гомруля недостаточно, и выступали за предоставление республике полной независимости.

– Ни на что я не намекаю, – заявил Гройн. – Она – заблудшая дочь викария из Мейо, социалистка, суфражистка, смутьянка-анархистка.

Данная им аттестация была весьма шокирующей, но я по собственному опыту знала, что этот санитар был готов облить помоями любую женщину, поставленную над ним. Впрочем, перечисленные им подробности показались мне весьма своеобразными...

– Неужто дочь викария?

– Может, большинство сторонников независимой Ирландии такие же добропорядочные католики, как и мы с вами, но среди них попадаются и чудаки-протестанты (он не заметил, как гневно сверкнул взгляд Делии Гарретт). Она же наверняка была среди закоперщиков восстания. И уж точно зашивала раны этим щенкам-террористам, сидя на крыше му-

---

¹¹ Левая партия в Ирландии, созданная в 1905 году и объединявшая сторонников независимости.

ниципалитета.

Потом ткнул пальцем вверх, имея в виду канцелярию главного врача на третьем этаже, и продолжал:

– Похоже, пока другие болеют, руководство не нашло никого лучше, кроме нее.

– Так, – проговорила я с неудовольствием. – Полагаю, сейчас не время злословить.

Новая пациентка вытаращила глаза и произнесла:

– Вы говорите, больница наняла преступницу?

Санитар кивнул.

– Мисс Линн депортировали вместе с прочими смутьянами и посадили в тюрьму в Британии, а потом, не прошло и года, их всех выпустили и вернули сюда, хотя у них руки по локоть в крови!

Мне пришлось пресечь его монолог, пока пациентками не овладела паника.

– Если отвлечься от политики, я уверена, что к *доктору* Линн не обратились бы сегодня за помощью, если бы она не была квалифицированным врачом.

Услышав, с каким нажимом я произнесла слово «доктор», Гройн криво усмехнулся:

– Ну, тогда умолкаю.

Санитар неизменно произносил эту фразу, когда ему было еще что сказать. Он устало положил локти на перекладину кресла-каталки, как на барную стойку. В наше время парень просто не мог не отпустить ехидное замечание по поводу,

так сказать, слабого пола! Дама, доставляющая почту, или труженица оружейного завода, или даже пожарный в юбке! Когда это кончится?

– Не смеем больше вас задерживать, Гройн, – сказала я.

Он понял намек.

– Желаю здравствовать, дамы!

И вытолкал пустую каталку из палаты, пританцовывая и напевая:

Ты так долго не решался,

Ты чего-то опасался?

Соберись с духом, Майкл,

Отчего ты так суров?

– Что за балагур этот парень! – заметила Брайди.

Я поджала губы.

– Он вам не нравится, медсестра Пауэр?

– На мой вкус, у Гройна слишком мрачное чувство юмора.

– Ну, все равно он забавный, – возразила она.

Мы сняли с Мэри О’Рахилли платок, платье и панталоны, но оставили чулки, чтобы ноги были в тепле. Ее сотрясала то мелкая, то крупная дрожь. Стараясь внимательно рассмотреть черные гладкие волосы, я натянула ей через голову ночную рубашку.

«В этом вам будет удобнее», – обычно говорила я пациентам во время процедуры переодевания, хотя на самом деле мы их переодевали из гигиенических соображений; к нам

нередко поступали сильно завшивленные женщины.

Если бы отделение было оборудовано должным образом, я бы просто на всякий случай отпарила одежду Мэри О'Рахилли, но в нынешних условиях я только и могла попросить Брайди завернуть платье и остальное в бумагу и убрать на самую верхнюю полку в шкафу. Я показала ей, как завязывать боковые тесемки ночной рубашки, надела на девушку больничный жакет и повязала на шею больничный платок.

Лицо Мэри О'Рахилли исказила гримаса, и ее тело напряглось.

Я подождала, пока боль пройдет.

– Сильная была схватка, дорогая?

(Нас учили не называть боли при схватках *острыми*.)

– Я бы сказала, не очень сильная.

Но первородящим не с чем было сравнивать остроту боли.

– Вы не знаете, когда вам срок родить?

– Приблизительно. Моя соседка говорит, может, в ноябре.

– Когда у вас была последняя менструация?

Ее лицо отразило непонимание.

– Месячные.

Она порозовела.

– Извините, не поняла. Где-то прошлой зимой...

Я не стала у нее допытываться, когда она впервые ощутила движения ребенка, потому что первородящие редко фиксировали первое шевеление плода, а потом уже было слишком поздно для определения сроков по этому полезному призна-

ку.

– Насчет схваток – где именно вы их в основном ощущаете?

Мэри О’Рахилли неопределенно взмахнула рукой над животом.

Но это выглядело более типично для того, что мы называли ложными схватками: скорее предупредительные выстрелы, чем полноценная атака, которая обычно характеризовалась болями в области спины. Насколько я могла судить, этой девчужке до родов оставалось еще несколько недель.

– С каким интервалом происходят схватки?

Роженица с несчастным лицом пожала плечами.

– Они разные?

– Не помню, – прошептала Мэри О’Рахилли.

Все симптомы, которые она описала: нерегулярность, внезапное начало и прекращение спазмов, на мой взгляд, указывали на ложные родовые схватки.

– Скажите, миссис О’Рахилли, вы давно ощущаете эти схватки?

– Я не знаю.

– Несколько часов?

– Несколько дней.

Сокращения шейки матки в течение одних суток – довольно распространенное явление. Но если бы это были настоящие схватки, то у Мэри О’Рахилли могли бы уже и отойти воды.

Ее голос сорвался от волнения:

– Значит, я скоро рожу?

– Посмотрим. Да, довольно скоро.

– Но ведь тот мужчина сказал...

Я еле подавила смешок. Гройн носил раненых на носилках, напомнила я ей. В госпитале он, естественно, нахватался каких-то сведений о ранениях и горячке, но едва ли о деторождении.

Я подумала, что мои слова могли бы вызвать у Мэри О'Рахилли улыбку, но сейчас она слишком боялась. Как и большинство моих пациенток – даже не раз рожавших, – она, вероятно, никогда до сих пор не лежала в больнице.

Расспрашивая ее и узнавая все больше, я надеялась получить какие-то сведения о ее возможных проблемах со здоровьем. К примеру, проклятьем городских детей был рахит: зубы прорезывались слишком поздно, малыши начинали ходить не раньше двух лет, у многих была искривленная грудная клетка, или ноги, или позвоночник. Но нет, у Мэри О'Рахилли было хотя и маленькое, но вполне симметричное тело и пропорциональный таз. Никакой припухлости ниже талии, свидетельствующей о больных почках. Была бы вполне нормальная беременность, не подхвати она грипп.

Она поежилась и кашлянула в крохотную ладошку.

– Я была очень осторожна, сестра, полоскала горло яблочным уксусом и пила его.

Я машинально кивнула. Многие верили в целительную си-

ду мелассы или ревеня, способных обезопасить их от гриппа, словно существовал какой-то один бабушкин рецепт, который мог спасти нас всех.

Как бы невзначай я положила на грудь Мэри О'Рахилли руку с часами в ладони, чтобы незаметно измерить частоту дыхания. Дыхание было несколько учащенным: она судорожно вдыхала и выдыхала между приступами кашля. Потом вложила ей под язык термометр.

«Пульс ровный, но немного слабый», – написала я в ее медицинской карте.

– Кстати, эти синие пятна у вас на запястье... вы упали? У вас внезапно закружилась голова? Откуда они?

Она помотала головой.

– Нет, просто у меня легко возникают синяки.

Через минуту я взглянула на термометр: ртутный столбик показал температуру чуть выше нормальной.

– Не такая уж вы тяжелая больная, – сообщила я ей.

Мы с Брайди уложили ее на среднюю кровать (смертный одр Эйлин Дивайн).

Перестань, не думай ты об этом, ты же не хочешь сгладить бедняжку?

– Люди боятся приближаться друг к другу, – произнесла Мэри О'Рахилли задыхающимся шепотом, – потому что зараза так быстро распространяется! Позавчера фараоны выбили дверь в доме рядом с нами и нашли там в квартире целую семью, лежавшую на одном матрасе. Все они были мерт-

вые.

Я кивнула, подумав, как соседи могли обходить эту квартиру стороной и даже не стремились узнать, живы ли ее обитатели... Впрочем, можно ли кого-то осуждать в эту пору всеобщего ужаса?

Я попросила роженицу перевернуться на спину, чтобы я могла прощупать ее живот. Если мочевого пузыря у нее полный, это могло причинять ей боль, поэтому я спросила, не хочет ли она сначала сходить в туалет.

Она отрицательно помотала головой.

Тут подала голос Делия Гарретт:

– А вот я как раз хочу!

Брайди предложила сопроводить ее.

Я, засомневавшись, согласилась:

– Ладно, полагаю, если будешь крепко держать миссис Гарретт, она не упадет.

– С какой стати я упаду?!

Когда они вышли, я проверила Айту Нунен – та все еще пребывала в полусне-полубреду.

И вновь занялась Мэри О'Рахилли. Задрала повыше ночную рубашку, но прикрыла простыней пах и верхнюю часть бедер. Как и у многих беременных подростков, у нее были бросающиеся в глаза лиловые полосы внизу живота, похожие на царапины от когтей: юная кожа еще не привыкла к такому сильному растяжению. Но у молодости имелось и важное преимущество: после родов мышцы вновь должны со-

кратиться до прежних размеров.

Я села на край кровати, лицом к ее голове. Сильно растерла ладони одну о другую, стараясь их разогреть, но, когда я положила руки на ее тело, девушка так и подпрыгнула.

– Извините, руки сейчас станут теплее. Постарайтесь расслабиться, чтобы я могла прощупать живот.

Я перемещала ладони от одного участка живота к другому, не отрывая их от ее кожи и стараясь не постукивать пальцами, как по клавишам пианино, чтобы не заставлять мышцы сокращаться. Я закрыла глаза и постаралась представить себе ее внутренний ландшафт, основываясь на ощущениях ладоней, которые стали моими глазами во тьме. Вот она – отвердевшая верхняя часть матки шириной шесть пальцев под пупком. Если судить по размеру, то ребенок вполне или почти доношен. Значит, инфлюэнца, слава богу, не смогла вытолкнуть ядрышко из этого ореха досрочно.

Один плод (мы, акушерки, опасались близнецов). Нормальное положение: головкой вниз и лицом к позвоночнику матери. Я нащупала крошечный задик, потом выгнутую аркой спинку.

– Ваш ребенок лежит в правильном положении.

– Да?

Головка вроде бы удачно располагалась в районе таза; впрочем, это мало что говорило о том, вправду ли у нее начались схватки или это ложная тревога, потому что у первородящих плод мог занять нужное положение за целый месяц

до родов.

Вернулась Брайди, сопровождавшая Делию Гарретт, присела на кровать Мэри О'Рахилли с другой стороны и, не спрашивая, взяла ее за руку.

– А что это вы сейчас делаете, медсестра Пауэр?

– Подай мне, пожалуйста, вон ту штуковину с верхней полки – да-да, вон ту, похожую на слуховую трубу, я с ее помощью прослушаю сердцебиение младенца. Миссис О'Рахилли, дышите глубже!

Я приставила широкий конец деревянной трубы к ее животу сбоку, чуть ниже центра, где я нащупала спинку малыша, и сунула узкий конец себе в ухо.

– А что...

Это заговорила Брайди, и я шикнула на нее, приложив палец к губам. Глядя на секундную стрелку моих часов, я принялась отсчитывать удары.

«138 ударов в минуту», – записала я в медкарту. Ну что, это норма.

Мэри О'Рахилли зашлась мучительным кашлем, и тогда я усадила ее в кровати, отправив Брайди к чайнику с кипятком, чтобы она сделала горячий лимонад.

Но вначале я попросила молодую роженицу выпить полный стакан воды. И когда у нее снова начались схватки, сверилась с часами: с момента прошлого приступа прошло двадцать минут. Я уложила ее на левый бок и попросила вдохнуть на счет «три» и выдохнуть на счет «три», а затем повто-

ритель вдох и выдох. Если это были ложные схватки, то выпитая вода вкупе с положением лежа и дыхательными упражнениями могли облегчить боли.

Я проверила Айту Нунен: та еще спала.

– Все в порядке, миссис Гарретт? Расстройства желудка не ощущаете?

Она цокнула языком.

– Как раз наоборот. Теперь меня словно закупорили.

Я удивилась: как у нее так быстро мог возникнуть запор после диареи.

Мэри О'Рахилли перестала тихо постанывать от боли.

– Эта схватка была такой же, как раньше, или слабее?

Та смущенно переспросила:

– Что значит такой же?

Наверное, предположила я, начались настоящие схватки. Но если приступы все еще происходят с двадцатиминутным интервалом в течение целого дня... о боже, ей еще довольно далеко до родов. Конечно, внутреннее обследование шейки матки с целью выяснить, насколько она расширена, сказало бы мне куда больше, но я всячески старалась оттянуть эту процедуру, потому что на курсах мне накрепко вбили, что всякий раз, когда посторонняя рука проникает внутрь женщины, есть риск занести инфекцию, которая может ее убить.

У тебя еще масса времени, Джулия!

К тому же последнее, чего мне хотелось, это чтобы одна из моих пациенток начала рожать в этой тесной комнатке имен-

но в тот момент, когда на всю больницу остался один врач-акушер.

– Знаете, вам может полегчать, если вы соберетесь с силами и погуляете, миссис О’Рахилли.

(Прогулка могла не только помочь шейке матки расширяться, но и отвлечь беременную от физического дискомфорта, благо у нее появится какое-то занятие).

Измумившись, она спросила:

– Погулять? Где?

Я стала мысленно перебирать варианты. Но не могла же я отправить гриппозную роженицу бродить по коридорам, а здесь иголку некуда было воткнуть...

– Ну, ходите взад-вперед вокруг кровати. Вот, уберем стулья, чтобы не мешали. И пейте свой лимонад на ходу.

Не успела я и слова сказать, как Брайди быстро составила стулья один в другой и затолкала их под мой рабочий стол.

Мэри О’Рахилли опасно обошла вокруг кровати и, совершив разворот, вернулась назад.

– Все хорошо? Вам тепло?

– Да, спасибо, мисс.

– Медсестра Пауэр, – поправила я ее.

– Простите.

– Ничего страшного.

Мэри О’Рахилли придерживала живот сквозь ночную рубашку, приложив палец к пупку.

– Здесь болит? – спросила я.

Она покачала головой и кашлянула с лимонным выдохом, прикрыв рот ладонью. А мне просто хотелось понять, как я узнаю, что у нее открылась шейка матки.

– В районе пупка? – уточнила я.

Ее голос задрожал, но она продолжала ходить.

– А он сам отсюда вывалится или врачу надо будет... применить силу, чтобы его вытолкать наружу?

Я была немного обескуражена этим вопросом.

– Дело в том, миссис О'Рахилли, что ребенок выйдет вовсе не здесь.

Молодая роженица, моргая, смотрела на меня.

– Помните, где это началось... – проговорила я. И после паузы шепнула: – Там, внизу.

Новость ее потрясла. Она широко раскрыла рот, потом закрыла, ее глаза заблестели, и она закашлялась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.